

Батюнин Иван Тихонович - врач хирург отряда им. А.И. Виноградова

Воспоминания

ПОСЛЕДНИЙ ГОСЭКЗАМЕН. ВОЙНА.

Москва - 1979

Пять лет занятий в Смоленском мединституте, давшие мне многое, позади.

Двадцатого июня 1941 года сдал последний госэкзамен. После ответов на предложенные мне вопросы Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии профессор Алексей Алексеевич Оглоблин поздравил меня с окончанием института и пожелал успехов в работе врача. Профессора Оглоблина А.А. все студенты любили и старались быть похожими на него. Поэтому мне было очень приятно его поздравление с таким событием как окончание института. Вышел из аудитории с радостным волнением и в приподнятом настроении. Было такое ощущение, как будто нес тяжелый груз, пошел, сбросил с плеч, и стало легко. Окружили товарищи по курсу и засыпали постоянными, одними теми же вопросами:

- «Ну, как»? «Что было»? «Как спрашивали»? Эти вопросы задают каждому выходящему от экзаменаторов, хотя знали, что ответ будет один и тот же: «Все хорошо»! «Спрашивают прекрасно»! Эти вопросы задавали просто по укоренившейся привычке, при этом, некоторые не слушали ответа и погружались в свои конспекты или начинали разговор с такими же, как и они ждущими вызова к экзаменаторам.

Пожелав товарищам успеха, решил пойти к товарищам на работу поделиться своей радостью. Все пять лет занятий в медицинском институте я работал лаборантом в научно-исследовательском ветеринарном институте. Эта работа кроме материальной поддержки дала мне много практических и теоретических знаний по микробиологии, гистологии и патологической анатомии. Приобретенный там практический опыт и полученные теоретические знания пригодились мне в дальнейшей работе. В институте коллектив был небольшой, дружный. В работе помогали друг другу, и праздники встречали вместе.

К нам, работающим у них студентам, относились по-отечески. Как только я вошел в лабораторию и сказал, что последний госэкзамен сдан, все принялись поздравлять, радовались вместе со мной. Появилась бутылка вина, которая с шумом была распита за мои успехи и пожелания дальнейшей успешной работы врачебной и научной. Мне было с ними очень приятно, я так был благодарен этим хорошим людям, что не находил слов выразить им свои чувства. Посыпались советы и даже пожелания работать у них. Это были хорошие, милые люди, о которых у меня остались до сих пор хорошие воспоминания.

Следующий день прошел незаметно, так как дел не стало и отсутствие занятий удлинняет и замедляет течение времени. До малых подробностей до сих пор запомнился следующий день - воскресенье 22 июня 1941 года. С группой товарищей я сидел в излюбленном всеми смолянами сквере Блонь. Из репродукторов лилась музыка, на которую мы не обращали внимания. День был солнечный, теплый, несильный ветер раскачивал деревья, которые слегка шумели. Народу в этот час в сквере было много. Мы не заметили, как прекратилась музыка, и диктор передал сообщение о выступлении Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова. Кто-то из нас сказал:

- «Что-то новое. Послушаем». После выступления В.М. Молотова люди оставались спокойны, только слышалось - «Ну, теперь Фрицам дадим»!

По Рославльскому шоссе, по пути в наше общежитие был военкомат рядом с площадью Смирнова. Проходя мимо военкомата, мы увидели около военкомата собравшихся людей, но в военкомат никого не пускали. До 28 июня дни мои прошли без особых изменений.

С двадцать восьмого июня нам начали выдавать дипломы врачей об окончании института. В этот день я получил свой врачебный диплом с регистрационным номером 28. Некоторых наших товарищей, закончивших институт, призвали в армию. По ночам начались бомбежки Смоленска. В первую бомбежку от зажигалок загорелось наше общежитие на Рославльском шоссе и в течение дня сгорело.

Дни и ночи были теплые, без дождей, и мы ночь проводили здесь же на пожарище. В день получения диплома мы, несколько человек, пошли в военкомат. В военкомате народу было полно, кое-как нашли, к кому нужно обратиться, протолкались к столу, за которым сидел военный, и на которого со всех сторон напирали люди с требованием немедленно отправить в армию. Он спокойно всем отвечал:

- «Идите домой, когда надо, вызовем». Он также, как и всех, нас спокойно выслушал, а потом сказал:

- «Дорогие мои, мне не до вас. Идите домой. Когда нужно, мы вас не забудем, а сейчас уходите!»

- «Куда уходить»? Спросили мы.

- «Куда хотите. А лучше всего, куда Вас направили на работу, или туда, где ваши родные». Больше он с нами разговаривать не стал. В следующие дни повторилось то же. Тогда 30 июня мы пошли на вокзал, чтобы уехать домой в Бежицу, но на вокзал нас не пустили. С вокзала мы вернулись к своему сгоревшему общежитию, а потом пошли по Рославльскому шоссе, дальше свернули к железной дороге Смоленск - Рославль. Вышли к одной из станций, где нам разрешили сесть в пустой товарный вагон и отправиться к Брянску. Примерно в шесть часов дня 30 июня мы были уже в Бежице. Ехало нас человек 30, все жители Бежиц и Брянска, которые учились в Смоленском медицинском институте. С теми, которые закончили институт, договорились, что завтра встретимся в горвоенкомате. Назавтра мы пришли в горвоенкомат. Нужно отметить, что вначале нас выслушали с недоверием. Потом, когда мы рассказали о бомбежках и пожарах Смоленска, то нас поставили на учет и направили работать. На нашу просьбу направить в армию сказали, что сейчас вы нужнее здесь, так как многие опытные врачи уже направлены в армию, следовательно, вы нужны здесь. В поликлинике меня направили работать оториноларингологом, так как я еще студентом практиковался по оториноларингологии. Через неделю меня направили дополнительно заведовать центральным здравпунктом, завода «Красный Профинтерн». Здравпункт располагался в здании машиноборочного цеха № 3. Врач здравпункта уже был мобилизован в армию и работали только две медсестры и санитарка. Но в помещении здравпункта был уже организован стационар с операционным набором, который был развернут штабом МПВО завода. Так я стал одновременно выполнять обязанности врача МПВО завода. Штаб МПВО завода располагался в подвале здания управления завода у седьмых проходных. Как-то вечером, придя в штаб МПВО, я встретил Ивана Борисовича Лунина, с которым был знаком еще по работе в заводе до поступления в медицинский институт. Встрече мы оба обрадовались. В тот вечер мы долго оставались в штабе, разговаривали при этом, он больше расспрашивал меня про Смоленск и первые его бомбежки, чем рассказывал сам. В дальнейшем нам приходилось встречаться довольно часто.

Под руководством штаба МПВО завода на территории завода были подготовлены бомбоубежища, открыты щели. В цехах из рабочих были созданы группы сандружинников. Сандружинники выполняли свою обычную работу по специальности и демонтажу оборудования завода.

Долгое время налетов вражеской авиации на город не было. В Конце июля днем над городом начали появляться немецкие самолеты. Под вечер, когда солнце катилось к западу, со стороны заходящего солнца появились вражеские бомбардировщики. Они летели через Бежицу, не обращая внимания на большой завод, бомбить Брянский железнодорожный узел и мост через реку Болву. Однако, мост они бомбили редко и безрезультатно, а в основном - железнодорожный узел. Но дошла очередь и до завода «Красный Профинтерн». Это произошло в ночь на тридцатое августа 1941 года около часа ночи. В эту ночь по здравпункту дежурили я, медсестра Надя Шуба и санитарка тетя Нюра. В двенадцатом часу ночи к нам зашел сандружинник из чугунолитейного цеха Дворянинов. Разговор вели о войне и о том, как близко подошел фронт. Все наши рассуждения сводились к тому, что Брянск немец не возьмет. В этот момент объявили воздушную тревогу. Мы уже привыкли к ней, так как тревогу объявляли каждую ночь, и остались в помещении, никто не подумал идти в бомбоубежище, хотя оно было под нами. Дворянинов схватил свой противогаз и поспешил в свой цех. Послышался вой падающей бомбы, знакомый мне по Смоленску. Вой все нарастал.

- «Что это»? Спросила Надя.

- «Бомба». Сказал я. В этот момент раздался взрыв где-то близко. Задрожали стекла в окне, но остались целы. Я открыл дверь и вышел на крыльцо, и снова взрыв, где-то за чугунолитейным цехом, и меня бросило в дверь. Потом еще несколько взрывов. В этот раз самолеты сбросили несколько бомб. В основном до утра бомбили Брянский железнодорожный узел. Разрушений в заводе значительных не было. Первая бомба упала у ворот чугунолитейного цеха, за цехами или за территорией завода ближе к реке Болве. Были и первые жертвы. Первым принес раненого из чугунолитейного цеха сандружинник Дворяниниов. Это было ранение голеностопного сустава. Мы наложили новую повязку и закрепили шину. Черный осколок бомбы выступал из раны сустава, плотно засел в тканях кости. «Да», - подумал я, - «здесь нужна ампутация». Затем привели рабочего раненого в лицо. На щеке была рана размером около 1х1,5 см. Потом принесли раненого в грудь. Он дышал тяжело, изо рта вытекала кровь. Что же делать? С чего начинать? Практического опыта обработки ран я не имел. И гут меня выручил телефонный звонок из штаба МПВО завода.

- «Раненые есть? Сколько?»

- «Пять человек. Двое из них тяжело».

- «Сейчас пришлем машины, отправляйте всех в хирургическое отделение больницы».

Через несколько минут пришли две санитарные машины. Сандружинники перенесли раненых в машину. Один из них, раненый в лицо, отказался сесть в машину и отправился самостоятельно в больницу. В то время городская больница была через улицу от завода, и он скоро появился в приемном покое больницы. Когда я часа через полтора возвратился в медпункт, то увидел наведенный порядок и чистоту, это постарались Нюра и медсестра Надя. Медсестра первый раз в жизни видела такие ранения и еще оставалась взволнованной. Санитарка Нюра была спокойна внешне и вела себя так, как будто ничего не произошло. Это она, как только мы повезли раненых в больницу, тут же принялась проводить уборку помещения медпункта и заставила заниматься этим медсестру.

Тетя Нюра, как мы ее тогда называли, была женщина лет 50-ти, когда-то довольно милостивая, но жизнь и заботы ускорили возрастные изменения лица; тихая, спокойная, трудолюбивая. Она была одинокая. Быть без дела она не могла, постоянно искала и находила себе работу. Чистота в медпункте была идеальная. Если не было работы в медпункте, шла в столовую и там принималась мыть посуду или делать другую работу. Медсестра Надежда Шуба, украинка, девушка лет двадцати, была всегда веселая, всему удивлялась, что бы ни увидела или не услышала. Работу уважала, относилась к ней с каким-то благоговением, добрая, постоянно переживала даже при малейшей царапине. При значительных травмах нередко плакала, помогая обрабатывать рану. Нередко сами пострадавшие принимались уговаривать сестру и смущались, как будто они чем-то провинились. Травма в то время встречалась довольно часто, хот я и не тяжелая, так как шло демонтажное оборудование завода, а демонтаж проводили люди незнакомые с такелажными работами. В таких случаях тетя Нюра спокойно произносила:

- «И, чего тебя, девонька, понесло в доктора, шла бы в артистки, там бы своими нюнями публику трогала». На что Надя отвечала:

- «Люблю я людей лечить, и жалко мне их».

Тетя Нюра до последнего дня работала на заводе, после демонтажа завода и отправки всего оборудования, про нее как-то забыли, и она осталась в оккупации. Надя также осталась в оккупации, так как ее отказались принять в партизанский отряд, когда я обратился с такой просьбой к командиру отряда А.В. Виноградову и комиссару П.А. Рыжкову. После освобождения города Бедицы и Брянска, когда я работал главным врачом горбольницы, я их не встретил. При расспросах лиц, которые оставались в городе, никто мне не дал положительного ответа.

Шел август и наступил сентябрь. Школы в городе не открылись, так как большинство жителей были эвакуированы с заводом. Фронт приближался к городу. На западе со стороны Жуковки еще глухо, но уже доносилась артиллерийская канонада. Большинство медицинских работников горбольницы и поликлиники отправили на оборонные работы. По радио более часто начали передавать, что на вокзале ждут эшелоны, кто желает - может эвакуироваться.

Мои мать и сестра уже уехали. Оставался я с младшим братом Александром, который все работал в заводе по демонтажу оборудования. С нами оставался сын соседа и товарищ брата Виктор Грибачев. Все это время налеты на город и завод вражеской авиации были редкими и незначительными. Враг больше и массированно бомбил Брянский железнодорожный узел, но тревоги объявлялись часто, особенно в сентябре.

МЕНЯ НАПРАВЛЯЮТ В ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД

Все это время я имел постоянную связь с Иваном Борисовичем Луниным. В начале сентября Иван Борисович Лунин зашел к нам в медпункт. Я был один: медсестра и санитарка куда-то отлучились.

- «Здравствуйте, рад Вас видеть, Иван Борисович. Что-то Вы давно у нас не были. Чем может заниматься медицина здесь? Как видите, больных и раненых нет, сижу и читаю».

- «Так, так. Где же твои помощники?»

- «Где-то в заводе, скорее всего в столовой, уже обед. Вот сижу без дела, а все из-за Вас.

Сколько раз просил, отправьте меня в армию».

- «В армию подожди, а вот я пришел, дело тебе нашел».

- «Вот это хорошо. Какое дело?»

- «Нужен в истребительный батальон врач. Если согласен, то будем говорить серьезно. Вечером где будете?»

- «Где быть? Здесь. Дома остался один я и брат».

- «Хорошо. Вечером я за Вами зайду. А, теперь, до вечера».

Иван Борисович ушел. Я остался один размышлять над его предложением. Нужно сказать, был рад и тут же возникли вопросы. Почему мне такое предложение? Около восьми часов вечера в тот же день вновь пришел Иван Борисович, мы вдвоем пошли в горком партии.

Мы зашли в кабинет секретаря горкома, но там находился В.А. Костин, сотрудник горотдела НКВД и один из секретарей горкома партии Гавриил Маркович Луканов. Костин В.А. одно время был командиром истребительного батальона, но в сентябре командиром батальона был назначен А.И. Виноградов.

Луканов после того, как мы вошли и поздоровались, вызвал секретаршу и сказал:

- «Если кто будет ко мне, то скажите, что я занят». - Потом обратился ко мне:

- «Иван Тихонович, нужен для партизанского отряда врач. По рекомендации Ивана Борисовича, мы предлагаем Вам остаться в партизанском отряде».

- «Мы уже обсудили с Иваном Борисовичем. Я согласен».

- «В истребительном батальоне есть две медсестры. Ваша задача собрать нужные медикаменты, инструменты, все это доставить в штаб истребительного батальона. Зайдете в штаб и познакомитесь с командиром и комиссаром. Мы о вас туда сообщим. Вы с кем сейчас в городе?»

- «Мать эвакуирована, остался с братом, но брат от меня не отстанет».

- «Вы пока о назначении вас врачом партизанского отряда никому не говорите, даже брату, а потом и его заберем в отряд».

- «Это так, но у него есть товарищ, сын нашего соседа, который один остался в городе, его отец с семьей уже эвакуированы, он от нас не отстанет».

- «Я знаю этих ребят. — Сказал Иван Борисович. - «Их двоих можно взять в отряд. Ребята хорошие. До последних дней работают на заводе».

- «Раз так, то, Иван Борисович, на Вашу ответственность». - Сказал Лукашов. На этом первая и последняя встреча с Лукановым закончилась. Мы вышли из горкома вдвоем с Луниным.

- «А теперь пошли в штаб». - Сказал Иван Борисович. Штаб тогда уже был в здании детского сада.

Солнце уже село, и на город спустились сумерки. Встречных на улице было очень мало. К этому времени жителей в городе оставалось мало: одни эвакуировались с заводом, другие ушли в деревни, третьи просто сидели дома. У дверей штаба стоял часовой, который пропустил нас. В коридоре горела тусклая лампочка, людей не было видно. Мы зашли в первую комнату направо, в которой находились два неизвестных мне человека, к тому же свет был очень плохой. Иван Борисович поздоровался и представил меня как рекомендованного

врача партизанского отряда. При знакомстве выяснилось, что один из них командир будущего партизанского отряда, Александр Иванович Виноградов, второй - комиссар отряда Петр Андреевич Рыжков. Первый наш разговор шел в основном о создании запасов медикаментов и перевязочного материала, хирургического инструментария. Александр Иванович сообщил, что у них уже есть запас марли и бинтов, а инструментов нет. Я обещал, что инструмент будет.

Александр Иванович спросил:

- «Где вы его возьмете?»

- «У нас в заводском здравпункте, по линии МПВО создан стационар. Там имеется несколько малых и больших хирургических наборов, которые через некоторое время будут никому не нужны».

Иван Борисович подтвердил. Потом я добавил:

- «Там же имеется около двух десятков укомплектованных санитарных сумок, их также нужно забрать».

- «Тогда действуйте». - Сказал Виноградов. - «Только приходите к нам в штаб вечером и приносите свое имущество, а мы его отправим на базу». В дальнейшем, когда были оговорены все медицинские вопросы, Виноградов обратился к комиссару Рыжкову, который во время нашего разговора в беседе не вступал.

- «Вот, видите, Петр Андреевич, теперь и доктор у нас есть, так что хирургической помощью мы обеспечены».

- «От вас требуем полного, доктор, сохранения тайны, военной тайны и бдительности. Чтобы никто не знал, что вы назначены врачом пока истребительного батальона, а затем и партизанского отряда». По-видимому, разговор на тему секретности продолжался бы долго, если бы Виноградов не перебил Рыжкова и не сказал:

- «Хорошо, Петр Андреевич, Вы еще продолжите этот разговор, а сейчас доктору нужно идти, а нам нужно заняться делами. До свидания, доктор, только приходите вечером».

Это была моя первая встреча с командованием отряда. Первое впечатление о Виноградове у меня сложилось неопределенное. Было заметно, что это человек интеллигентный с мягким характером. У него было овальное симпатичное лицо с добрыми и спокойными глазами. Речь его была спокойная и не многословная, с правильным построением предложений. Все движения были неспешные, связанные с интонацией речи. Как потом я узнал, военного образования он не имел, назначен командиром партизанского отряда как человек, имеющий большой авторитет среди рабочих завода «Красный Профинтерн». Действительно, при первом знакомстве с таким человеком сразу же доверяешь ему.

Рыжков П.А., комиссар отряда, был полной противоположностью Виноградова. Подвижен, суетлив, с быстрой речью, многоговорлив, при разговоре мог принимать артистические позы. Военной подготовки также не имел. При первом же знакомстве можно было заметить недостаток общего образования. В разговоре употреблял газетные фразы. При дальнейшем знакомстве с этими двумя руководителями мои первые впечатления о них оказались верными.

С этого дня мне нужно было сделать многое. Заготовить как перевязочный материал, так и хирургический инструментарий. В первой половине сентября заканчивали эвакуации предприятий Бежицы. В заводе «Красный Профинтерн» уже снимали последние рельсы железнодорожного полотна. В поликлинике и больнице оставались отдельные врачи, которые вели прием населения. Часть медицинских работников, как врачей, так и младший персонал, были направлены на оборонные работы, но работа продолжалась ежедневно. В середине сентября произошел следующий случай. Около часа дня мне в здравпункт позвонили из поликлиники и сказали, чтобы я со своим персоналом срочно явился в актовзый зал поликлиники. Персонал мой тогда был только санитарка и медсестра. Я сказал, что оставить здравпункт без персонала нельзя, так как на заводе еще работали люди. Тогда мне разрешили прийти одному. День был весьма жаркий, солнце светило и грело по-осеннему. В вестибюле поликлиники сказали, чтобы я шел в зал. Когда я вошел в зал, то увидел, что там собрались все работники больницы и поликлиники. Так как никто не знал, зачем нас собрали, то я вышел в вестибюль и закурил около регистратуры. Через некоторое время в вестибюле появились трое

молодых людей, которые настойчиво предлагали всем пройти в зал. Все ушли, остался один я. Я стоял у барьера регистратуры, когда ко мне подошел один из молодых людей и спросил:

- «Вы кто?» - вид у него был решительный. По-видимому, кто-то из начальства, подумал я.
- «Врач» - ответил я.
- «А почему здесь стоите?»
- «А где мне стоять?»
- «Идите в зал».

- «Пока там делать нечего», - сказал я. В это время подошли еще двое, которым он приказал отправить меня в отдел. Мы вышли на улицу, меня усадили в машину и через несколько минут меня привезли в горотдел НКВД. С меня сняли шнурки от ботинок, ремень от брюк, вывернули карманы, после чего отвели в камеру. Через несколько минут меня вызвали и отвели на второй этаж. В комнате, куда меня ввели, за столом сидел Владимир Александрович Костин. Он с удивлением несколько минут смотрел на меня, а потом сказал:

- «Это ты? А мне сказали, что какого-то саботажника привели. Кто это тебя привел?»
- «Не знаю кто, какой-то блондин».
- «А, вот кто. А что случилось?» - Я ему рассказал, как все было. Костин посмеялся, а потом поднялся из-за стола и сказал:

- «Ладно, ты не обижайся. Поехали в поликлинику». Мы сели в машину и через несколько минут были в поликлинике. Этот блондин еще был в вестибюле и, когда увидел меня с Костиным весело разговаривающими, на его лице появилось удивление. Он подошел к Костину и тихо сказал:

- «Все собрались».

Костин ответил:

- «Хорошо, сейчас начнем. А ты зачем его прислал? Ты знаешь, кто он? Это врач партизанского отряда». Он тихо добавил: - «Ну, пошли».

Мы вошли в актовЫй зал. Зал был полон сотрудников больницы и поликлиники. СестЬ было негде. Я прошел вперед и сел с краю во втором ряду слева. Когда осмотрелся, то увидел, что впереди меня с краю сидит Фридман, главный врач поликлиники, а рядом с ним тот, кто меня отправил в горотдел НКВД. За столом сидели три человека, среди них Костин. Я удивился, как же здесь оказался Фридман, ведь говорили, что он уже эвакуировался, и все его ругали, так как мы не получили зарплату уже два раза. Поднялся Костин и объявил:

-«Бывший главный врач поликлиники и временно исполняющий обязанности главного врача горбольницы, задержан как бежавший, без разрешения бросивший больницу, при этом захвативший денежные суммы из кассы больницы и поликлиники. По законам военного времени судим и приговорен к расстрелу».

Фридман был расстрелян, сочувствующих не было. Нам в тот же день выдали зарплату. Потом я пошел в здравпункт завода и продолжал свою работу.

Больница и поликлиника сокращала свою работу, население резко уменьшилось в городе. Оториноларинголог Верхошанская эвакуировалась. Мне приходилось ежедневно приходиться в поликлинику и вести прием больных по болезням уха, носа и горла. В конце сентября на прием пришли мать и отец с ребенком месяцев шести. Люди они были уже немолодые, лет сорока, ребенок - первый, мальчик. Эвакуироваться не могли из-за болезни ребенка. Ребенок был в тяжелом состоянии, у него было двустороннее гнойное воспаление среднего уха с субпериостальным абсцессом, выраженная регидность затылка. Здесь же в поликлинике я произвел разрез абсцессов, вскрыл антрум, ребенка отправил в хирургическое отделение больницы, которое еще функционировало. Ребенок начал поправляться, хотя проводились одни только перевязки и вводился стрептоцид. Врач, который оставался в хирургическом отделении больницы все удивлялся и говорил, что у меня легкая рука, поэтому ребенок остался жив. В поликлинике в кабинете болезней уха, горла и носа мне помогала медсестра Нина Егорова из Чайкович, которая ежедневно приходила и до моего прихода проводила те немудреные процедуры, которые можно было провести в тех условиях.

В первой половине июля 1941 года на заводах, а также в поселках, административно подчиненных городу Бежице, были организованы истребительные батальоны, а затем партизанские отряды, которые выполняли охранную функцию и одновременно работали в

заводе по демонтажу оборудования и эвакуации его в глубокий тыл страны. Самый большой истребительный батальон был создан на заводе «Красный Профинтерн», затем на сталелитейном заводе, в рабочих поселках Радица-Крыловка и Бежичи. Помимо истребительных батальонов были созданы партизанские группы и отряды, цель которых была проведение диверсионных актов в тылу врага. Эти отряды были созданы в начале августа, когда противник вступил в первые районы запада Орловской области. Такие партизанские группы были созданы из рабочих завода «Красный Профинтерн» под командованием Г.А. Мирошкина, отряд из сотрудников гор милиции и военизированной пожарной команды завода под командованием С.Т. Денисова, партизанский отряд под командованием А.С. Горбачева из рабочих совхоза «Красный кооператор», партизанский отряд из рабочих и колхозников поселка Бордовичи, партизанский отряд их рабочих сталелитейного завода под командованием Д.Г. Пуклина; этот отряд из всех самый крупный состоял из семидесяти человек. Пока фронт был далеко, истребительные батальоны и партизанские отряды несли охрану города, круглосуточно несли охрану промышленных объектов, административных зданий, патрулировали улицы города и поселков, проводили проверку документов у подозрительных лиц и пассажиров пригородных поездов, вылавливали вражеских шпионов, ракетчиков, вели борьбу с пожарами, возникавшими во время бомбардировок вражеской авиацией, помогали эвакуировать оборудование предприятий в тыл страны.

Неся большие потери, вражеские войска в начале августа 1941 года вступили в пределы западных и юго-западных районов Брянской области, оккупировав частично Клетнянский, Трубачевский районы.

В это время истребительные батальоны и партизанские отряды были переведены на казарменное положение. Партизанские отряды отдельными группами направлялись за линию фронта для выполнения диверсионных заданий и с целью разведки противника. Еще со второй половины июля отобранные группы из истребительного батальона и партизанских отрядов были направлены в г. Орел и Белые Берега, где получили специальную подготовку под руководством полковника Ильи Григорьевича Старина, одного из лучших знатоков-специалистов минного и диверсионного дела и тактики партизанской войны с противником, которого потом с большой теплотой вспоминали его курсанты.

После перехода истребительного батальона на казарменное положение я был оставлен дома, так как работала в поликлинике и медпункте завода, где еще был нужен. Но приходя по вечерам в штаб батальона, много слышал от бойцов о разных случаях поимки ракетчиков, шпионов и другой нечисти. Нередко бойцы вступали в перестрелку с ними, но всегда стремились взять врага живым. Меня все их стычки интересовали как приключения, что и заставило меня не раз по вечерам выходить с бойцами на патрулирование города. Одна из групп состояла из Николая Зинова и еще двух бойцов. Увидев меня, Николай сказал:

- «Пошли, доктор, с нами». Я согласился. Мы обошли вокзал, проверили у некоторых лиц документы, потом обошли несколько улиц, но за все время ничего особого не было. Так мы проходили до десяти вечера. Потом сменились. Я остался ночевать с бойцами в казарме. Так я постепенно втянулся. Вначале надо мной посмеивались, а потом привыкли, и многие начали приглашать с собой. Однажды Лунин сказал мне:

- «Что же ты ходишь без оружия? Хотя бы пистолет тебе дали». Но оружия тогда у нас не хватало. Иван Борисович обещал отдать мне пистолет. Как-то вечером я пришел в штаб и встретил Ивана Борисовича, который, как только увидел меня, так позвал к себе.

- «Вот, доктор, принес тебе пистолет. Стрелять умеешь?»

- «Что Вы, Иван Борисович! Я же проходил военную подготовку, а еще я ворошиловский стрелок первой и второй ступени».

- «Ну, тогда держи». И с такими словами он вручил мне браунинг средних размеров. - «Только патронов всего пять штук, где-нибудь достанете». Это было оружие, когда-то покрытое хромом, а теперь от хрома остались только отдельные пятна, которые сверкали при свете, вид его был такой, как будто оно долгое время пролежало в земле. Видимо, так оно и было. Как только присутствующие при этом бойцы увидели такое оружие, поднялся смех и разные остроты, но Иван Борисович сказал:

- «Ладно, ребята, кто умеет стрелять, тот из любого оружия сможет прикончить врага».

- «Держись, фрицы и шпионы». - Кто-то сказал, смеясь. - «Ну, теперь доктор может один патрулировать». - Добавил другой. Шутки сыпались со всех сторон, пока комиссар Рыжков не выглянул из-за двери и приказал утихомириться. Действительно, вид этого оружия мало меня утешал, а тут еще смешки, да шутки. Правду сказать, я был немного расстроен, но виду не подал и поблагодарил Лунина. Стрелять мне из него не пришлось, так как при первом выстреле все патроны дали осечку. Так что пришлось мне его сдать; патронов к нему не было.

Начали возвращаться первые группы, получившие подготовку по диверсионной работе в Орле и Белых Берегах. Из этих групп начали формировать отряды для заброски в тыл врага. Оставшиеся из подготовленных свои знания, полученные на курсах, передавали другим бойцам. Была организована лаборатория для изготовления мин и ручных гранат, как мы их называли лимонок. Под руководством бывшего студента Бежицкого машиностроительного института, комсомольца Сергеечева Михаила Васильевича и рабочего завода Корявченкова Павла Алексеевича изготавливали самодельные мины и гранаты. Техника изготовления была проста. Деревянный ящик заполняли толлом, оставалось поставить детонатор, и мина готова. Корпуса гранат отливали в чугунолитейном цехе по форме, предложенной А.И. Виноградовым. Затем этот корпус заполняли взрывчаткой и вставляли небольшой кусок бикфордова шнура. При пользовании такой гранатой метатель поджигал шнур и бросал гранату в цель. Нередко такие гранаты не взрывались. Так, когда мы уходили из города восьмого октября, то подобную гранату Зинов бросил в часы, которые находились на углу здания горсовета. Граната разбила стекло и застряла в механизме часов, что нам хорошо было видно. Догорел шнур, дым прекратился, а граната так и не взорвалась. Когда пришли в город при освобождении, так увидели эту же гранату в часах. Изготовленными минами и гранатами снабжались диверсионные группы, уходящие в тыл врага. Мне приходилось снабжать эти группы индивидуальными перевязочными материалами и проводить занятия по оказанию необходимой помощи раненым.

При занятии немецко-фашистскими войсками Клетнянского, Трубчевского, Почепского районов, в эти районы в тыл врага был направлен ряд диверсионных групп из истребительного батальона и партизанских отрядов. Одни из этих групп действовали успешно, другие возвращались, не выполнив задания.

Одной из первых групп в конце августа была послана в тыл противника группа Киреева Николая, которая перешла линию фронта и действовала в районе Клетни, но в скором времени группа была обнаружена, окружена противником и погибла в бою. Также погибли после перехода линии фронта группы Шакина, Орешина. Другие группы также теряли бойцов из своего состава. Так из группы Шпадырева в сентябре при выполнении задания в Жуковском районе, который к тому времени был частично оккупирован противником, погибли Федченко Федор Прокопович и Зайцев Константин Иванович. Более трагична была группа Шакина и Орешкина: сами командиры имели боевую подготовку, действовали очень смело и дерзко. На глазах у оккупантов взорвали склад горючего, склад боеприпасов, вступили в бой и погибли. Из группы Шакина остался в живых один боец, Пугачев Николай, которого после боя подобрали тяжелораненого местные жители. Как только состояние здоровья Пугачева улучшилось, он ушел и прибыл в отряд. В июле 1942 года после боев с карательными отрядами противника Пугачев был отправлен на Большую землю самолетом для лечения. Очень успешно действовали диверсионные группы под командованием Пузачева Александра, Шпадырева, Бурлакова, Кузнецова Филиппа Егоровича, Евтеева Михаила Григорьевича. Так, группа Евтеева при первом рейде в тыл врага за восемь дней уничтожила два танка и шесть автомашин. При этом постоянно доставлялись ценные разведданные, которые тут же передавались армейским частям. В общем итоге все группы уничтожили двадцать восемь автомашин, три танка, три склада горючего и два склада с боеприпасами, а также доставляли ценные документы противника и разведданные. Кроме этого, эти группы приобретали опыт борьбы с противником, который пригодился им в последующей борьбе.

Бойцы, которые не выходили к противнику, постоянно проходили военную подготовку, усиленно занимались на стрельбище в районе Жмурова сада под берегом, где был тир клуба обороны. Другие группы, меняясь, проходили подготовку по ориентации в лесу и незнакомой

местности. Но самая большая группа выделенных бойцов истребительного батальона и бойцов из партизанских отрядов готовила себе базы.

Наряду с указанной деятельностью с личным составом проводили ежедневную большую партийно-политическую, воспитательную работу. Политработники, а также выделенные бойцы проводили систематические политинформации, беседы, читки газет, доклады, выпускались стенгазеты и боевые листки. Партийные и комсомольские собрания - все было направлено на то, чтобы личный состав был твердо уверен в нашей неизбежной победе над врагом. При этом не умалялись имеющиеся и предстоящие трудности и смертельная опасность, которая предстояла в борьбе со злейшим врагом человечества - фашизмом. Постоянно воспитывалась любовь к Родине, патриотизм, роль коммунистов и комсомольцев - быть всегда первыми во всех трудных условиях.

Однако, вернемся, к последовательному изложению событий того периода. Бойцы диверсионно-разведывательных групп не все возвращались здоровыми с задания. Были среди них и раненые, которым приходилось оказывать помощь и направлять в хирургические стационары больницы. Также были и ранения от неумелого обращения с оружием.

ПЕРЕХОД НА ЛЕСНУЮ БАЗУ

Наша партизанская база была создана за рекой Болвой в Радицко- Крыловском лесу. Лес этот по площади слишком мал, к тому же рядом город Бежица, с другой стороны Крыловка, Радица, Чайковичи и другие населенные пункты, да еще через всю лесную дачу проходит дорога на Жиздру. Нужно отметить, что место для базы было выбрано неудачно, что обнаружилось через восемь дней нашего пребывания в лесу. Землянки отдельных рот были так далеко расположены друг от друга, что при нападении на них, помощь могла поспеть поздно. В ста метрах расположены землянка штаба отряда и землянка санчасти.

Седьмого октября вечером мне сообщили быть в штабе истребительного батальона в семь часов утра восьмого октября. Всю ночь продолжались пожары в городе. Темнота была полная. Восьмого октября после небольших сборов я с братом Александром и соседом Виктором Грибачевым с одной санитарной сумкой явился в штаб батальона на улице майской стачки. Так как нас ориентировали на несколько недель пребывания, то одеты мы были очень легко.

Из обуви я надел резиновые сапоги, в них все-таки в лесу лучше, плащ от дождя па всякий случай. В штабе было около десятка бойцов, другие были около моста через Десну в Городище. Около

десяти часов дня после коротких сборов все пошли по Почтовой улице к Болве и в лагерь. День этот был пасмурный, шел мелкий дождь, было сыро и прохладно. Над городом стояло облако дыма, тучи шли низко, было так грустно и тоскливо. Когда подходили к последним домам, услышали взрыв. Это наши оставшиеся ребята и бойцы Красной Армии взорвали мост через Десну. Как только перешли Болву, сделали привал на противоположном берегу. Все расселись по группам, кто на пнях, кто прямо на мокрой земле. Потянулся синий дымок, и запахло махоркой. Настроение улучшилось, начались разговоры и появились улыбки. Привал был недолгим, минут 15. Поднялся Лунин и обратился к бойцам:

- «Товарищи! Враг вступает в наш город, и нам предстоит с ним борьба не на жизнь, а на смерть. Сколько будет длиться эта борьба, я не знаю, но она будет тяжелой. Кто не имеет силы, тот может еще вернуться, потом будет поздно». Все сидели молча, но не было таких, кто бы повернул назад. Лунин помолчал, обвел всех взглядом.

- «Ну, если нет, то пошли». Все поднялись, взяли свое оружие и вошли в лес. Шел мелкий дождь, с деревьев капали капли, мы, идя друг за другом, продолжали свой путь. Появились разрывы в тучах. Дождь временами прекращался. При появлении солнца на сердце становилось теплее от его холодных лучей. На развилке дорог нас встретил комиссар отряда П.А. Рыжков и его адъютант Василий Корявченко. После встречи нам разрешили войти в лагерь. Часть ребят повернули к своим ротам, но нам идти еще пришлось долго, пока мы дошли до санчасти. К этому времени дождь прекратился, и выглянуло солнце. В санчасти меня встретили Аня Копченкова и Аня Ефимова. Потом пришла Маргарита Протопопова. Землянка санчасти была сделана на расстоянии двухсот метров от штабной землянки. Землянка состоялась из трех комнат, вход со ступеньками. Справа у стены стоял стол, в одной из комнат был сделан стол, напоминающий операционный, и там же стояли две железные

кровати, одна койка стояла в первой комнате напротив стола. В третьей комнате была еще кровать. Койки были предназначены для раненых, но пока не было раненых, расположились на них мы. Аня Копченкова была небольшого роста, плотная, подвижная и веселая. Аня Ефимова была повыше, серьезная. Это были медсестры, которые во время войны закончили одномесячные курсы медсестер. Так как я не знал, каковы практические и теоретические знания медсестер, то спросил их, что они знают и что умеют делать, и получил ответ, что они видели ряд операций и помогали при перевязках, когда учились. Опыта у них не было, следовательно, нужно было заниматься с ними. Но они считали, что умеют делать и заниматься им нечего. Вскоре мое предположение об их низкой квалификации подтвердилось. В последующие дни погода улучшилась, дождей не стало, и солнце светило и грело достаточно хорошо. Маргарита появлялась в землянки санчасти периодами; она готовила обеды для штаба и для нас. К обеду в санчасть приходили Рыжков, Виноградов, начштаба М.П. Коршунов, и мы обедали. После нас обедали две Ани. Больных и раненых не было, так как на задание не ходили, устраивались. Постепенно начали возвращаться те, кто ушел еще из города на диверсии. Возвратился Обыденников, дядя Миша. Так мы называли Евтеева Михаила Григорьевича. Возвратился с задания Т.Ф. Шпадырев со своим отрядом и занял землянку, предназначенную для бани.

С первых дней я начал обходить роты, знакомиться с командирами, которых не знал, с бойцами. Землянки всех рот были сделаны в виде погреба с узким лазом. Выходить из такой землянки было весьма трудно, только по одному. Горбачев А.С. со своими ребятами просто жил в шалашах. Землянка Денисова была расположена у самой дороги, идущей через лес, и хорошо замаскирована. Скоро земляник - лисьи норы сослужили нам плохую службу.

Начали присоединяться к отряду военнослужащие, попавшие в окружение. Они приходили по одному и группами по пять-десять человек. Первое время по приказу Рыжкова им не разрешали оставаться в отряде, но люди приходили и оставались. Пришел с группой человек в пятьдесят лейтенант Смертин, который на своем пути до отряда устраивал засады и был фашистов. Отряд рос численно. К тому же, пришедшие окруженцы имели боевой опыт. Приходили с оружием, но с минимальным количеством боеприпасов.

Через несколько дней жизни в лагере отдельные группы партизан начали выходить на Крыловский большак и устраивать засады. Эти засады всегда были успешными, группа уничтожала две-три автомашины и без потерь возвращалась в лагерь. Однако, немцы тоже отстреливались. Так, однажды группа не рассчитала и напала на колонну автомашин, что было не по силам небольшой группе, при этом был ранен в спину комиссар роты Климова А. Пузачев. Пуля прошла ниже лопаток и, как ножом, рассекла мышцы, и чуть обожгла кожу у позвоночника. Рана была широкая. Мы в санчасти наложили швы. Заживление прошло первичным натяжением. В один из дней А. Обыденников пошел глушить рыбу на Болву под Белую Кручу. Рыбы принесли мешка три. В это же время группа из его роты пошла в засаду. При разгроме трех машин, когда Виктор Денисов размахнулся бутылкой с горючей жидкостью, пуля попала в бутылку, и жидкость вылилась ему на брюки. День был дождливый, и пока шли на большак, все основательно промокли. Придя в лагерь, Денисов подошел к костру и стал сушиться, в это время у него вспыхнули штаны. Пока снимали, Виктор получил сильный ожег задней поверхности обеих ног и особенно под коленками. Если Пузачев после наложения швов ушел в свою роту, то Денисов ходить не мог, и мы его оставили в санчасти.

Средств для лечения ожогов у нас не было. Благодаря тому, что А.С. Горбачев отбил у немцев несколько автомашин, и одна из них оказалась с перевязочным материалом и с противоожоговыми повязками, мы постоянно проводили ему перевязки. С этой машиной не обошлось тез курьеза. Прибежали ко мне в санчасть два бойца из роты Горбачева.

- «Скорей, доктор, к нам!»
- «Что такое?» - спросил я.
- «Скорей! Двое отравились. Что-то выпили трофейное».

Я с ними пошел к Горбачеву, который стоял перед своими бойцами и разносил их. Но лицо у него было веселое.

- «Что у вас?» - спросил я.

- «Да вот, мои два дурака выпили трофейный ром, а теперь посинели». Я сказал, чтобы мне показали бутылку, из которой пили. В кустах нашли бутылку, на этикетке которой было указано, что это спиртовая настойка хинной корки. Осмотрел я любителей трофейного спиртного, ничего не нашел страшного, сказал об этом Горбачеву, тот только начал больше смеяться и приговаривать:

- «Ах, им бы чего-нибудь слабительного». Однако все обошлось благополучно. После этого случая, что бы ни взяли, уже никто не пил. Нужно сказать, я их припугнул немного.

В роте Шпадырева я встретил товарища своего детства Славика Макухина, с которым учился в одной семилетке. После окончания семи классов он поступил учиться в медицинский техникум, а я - в строительный. После окончания техникума Макухин служил в Красной армии и в 1940 году демобилизовался. В этой же роте был фельдшер Демин. Эти ребята больше интересовались боевыми делами, чем медициной. Однако, они постоянно выходили на задания и выполняли роль и бойцов, и медработников. В их санитарных сумках наряду с перевязочным материалом можно было найти боеприпасы.

Кроме таких знакомых, как Макухин, я повстречал и родственников. Не считая брата Александра, в отряде Горбачева был мой двоюродный брат Михаил Матюшин. Как-то, находясь в отряде Горбачева, смотрю, идет высокий и красивый малый, присмотрелся - Матюшин. Я спросил Горбачева:

- «У Вас что, Матюшин?»

- «А Вы его знаете?»

- «А как же. Это мой брат!»

- «Вот как!» - ответил Горбачев. - «Малый, очень боевой. Приходится удерживать. Часто лезет вперед без толку. Того и гляди, что пулю схватит. Уже два раза переходил линию фронта и проводил диверсии в тылу врага». Михаил был храбр. За товарища шел на любые жертвы. С презрением относился ко всякого рода трусам и ловчилам. Мог высказать свое мнение кому угодно. Товарищи его любили.

Однажды я зашел в отряд к Городищенским и там встретил мужа моей двоюродной сестры Филиппа Егоровича Кузнецова, впоследствии ставшего командиром Городищенского партизанского отряда.

Ежедневно группы партизан из отдельных рот отправлялись в засады. Постоянно приходили в каком-то возбуждении от удач. Возникало, как бы, негласное соревнование. Однако, такая активность не нравилась комиссару П.А. Рыжкову, а командир А.И. Виноградов относился к этому лояльно. Комиссар постоянно грозился наложить какое-то взыскание за самовольные засады, но командиры и бойцы пренебрегали такими угрозами, за исключением очень осторожных. Может быть, он был и прав? Но враг топтал нашу землю, а мы вместо работы сидели в лесу.

Через восемь дней после того, как отряд обосновался в лесу, шестнадцатого октября 1941 года произошла непоправимая беда. Около двенадцати часов дня внезапно в стороне расположения роты Климова началась стрельба и прогремели несколько взрывов гранат. Кратковременная стрельба продолжалась несколько минут. Что происходит? Никто не знал.

Были посланы несколько бойцов к роте Климова, которые через некоторое время возвратились с сообщением, что на землянку Климова напали немцы. Была объявлена тревога, занята оборона вокруг своих землянок, но распоряжение выступить на помощь Климову не поступило. Возвратилась вторая группа, которая была послана вслед за первой. Эта группа принесла на носилках Ваню Аниканова, сообщила, что немцев не видно, из землянки идет дым. Аниканова доставили в санчасть. При осмотре у него оказалась резаная рана живота. Аниканов сообщил:

- «Он, Басова Валя и повар, который готовил обед, находились на кухне, расположенной тут же, рядом с землянкой. На землянке находился часовой и станковый пулемет. Когда Вася набрал дров и хотел подняться, вдруг на него навалились и схватили. В то же время раздались выстрелы. Были убиты Басова, повар и часовой. Оставшиеся в землянке выйти не могли, так как у выхода находились немцы, и отстреливаться из землянки было бесполезно, так как устроена она была не для обороны. На предложение немцев

сдаться ответ был отрицательным. Тогда немцы в проход землянки бросили несколько ящиков с горючей жидкостью и подожгли их. В торчащую трубу сунули гранату, но она не взорвалась. К захваченному подвели типа, который привел немцев, и спросили у него:

- «Кто это? Комиссар?»

- «Нет», - Ответил предатель. - «Это просто боец». Тогда Аниканова ударили штыком в живот и быстро удалились, бросив его у землянки. Он отошел от землянки метров на сто, где и нашли его. По рассказам Аниканова, а потом жителей было выяснено, что немцев было не более 25-30 человек.

У Аниканова было проникающее ранение живота. После проведенной операции, ушивания раны и введения дренажа развился перитонит, и на третий день Аниканов умер.

Нужно сказать, что в то время я не имел опыта полосных операций, поэтому считаю, что если бы операция была сделана опытным хирургом в условиях больницы с антибиотиками, то, по- видимому, Аниканов мог бы выжить. В то время у нас не было даже стрептоцида.

Около двух часов дня меня пригласили в штаб отряда, где я к этому времени был всего только один раз. Был дан приказ мне с группой в четыре человека отправиться к землянке Климова. К землянке подошли со всей осторожностью, но вокруг не было никого. От входа в землянку шел ядовитый дым, на землянке лежал битый часовой, а у кухни - Басова и повар. Кухонный костер дымился, посуда была перевернута и разбита. Мы отбросили пни и землю, которыми был завален вход в землянку. Вход в землянку и дверь обгорели, но не сгорели, так как были сделаны из сырого дерева. Открыли дверь, но войти в землянку было нельзя из-за ядовитого дыма. Когда частично дым вышел, мы с Рудаковым надели противогазы и вошли в землянку. Наши товарищи были мертвые. Мы вынесли оружие, оставили караул и отправились в штаб. Я пошел в санчасть, Гудаков отправился докладывать.

Девятого октября после перевязки Аниканова, он рассказал нам, кто привел немцев. Это было так. Копченкова сказала, что немцы сами не могли найти нас, их кто-то привел. Если бы она узнала, то сама бы его расстреляла. Тогда Аниканов сказал, что он знает, кто привел. Привел Латышев. Латышев был бойцом истребительного батальона. Еще в городе недели за две, до ухода в лес, разбирая запал от гранаты, он вызвал взрыв запала, и на одном пальце у него оторвало ногтевую фалангу. По решению командования он был оставлен в городе до выздоровления. После занятия города немцами, Латышев явился в комендатуру, где все рассказал и указал путь к землянкам, но он знал только расположение землянки Климова, так как был в роте Климова и принимал участие в строительстве землянки.

После рассказа Аниканова я пошел в штаб и рассказал о предательстве. В санчасть явился Рыжков, и Аниканов еще раз рассказал ему о Латышеве. К вечеру Аниканов умер. Оставшиеся в живых бойцы роты Климова, которые в это время были в расположении других рот, в том числе комиссар роты А. Пузачев, были распределены по другим ротам. Урок для отряда был весьма тяжелый и поучительный. Нужно сказать, что наш лагерь был расположен в маленьком лесу, который все жители Бежицы и окружающих поселков знали. Мы были весьма беспечны: дальнего охранения и постов не было, наблюдение за окружающими поселками отсутствовало. Что делается в этих поселках - нам неизвестно.

18 октября 1941 года была послана группа в лес за Белые Берега. Во время продвижения немецкой армии из Орла на Брянск диверсионная группа под командованием Андрея Обыденникова находилась в тылу противника. На дороге Брянск-Орел в районе Белых Берегов эта группа уничтожила несколько автомашин противника и один танк. Танк медленно передвигался по дороге с открытыми люками. Андрей Обыденников на ходу вскочил на танк и через открытую башню бросил в танк гранату. Экипаж был уничтожен. Танк вышел из строя. Но так как нужно было продвигаться к месту расположения отряда, которое было известно группе, то они захваченные трофеи и трофейное оружие спрятали в лесу за Белыми Берегами недалеко от дома лесника, который находился в глубине леса. В этой группе находились М.Г. Евтеев, дядя Миша и Борис Горный. Была организована группа из восьми человек, в которую вошел и я. Цель группы была следующая: во- первых, забрать трофеи и захваченные документы у противника; во- вторых, встретить партизан из других отрядов; в-третьих, разведать расположение противника. В населенные пункты не заходить. Старшим группы был назначен Евтеев, так как знал дорогу к месту спрятанных материалов. Эту же дорогу знал и

Горный. Вышли мы из Крыловского леса рано утром, перешли Крыловский большак, потом железную дорогу между Полпинкой и Козелкино и углубились в лес. Под вечер где-то в лесу нас задержали партизаны из Брянского отряда, привели в отряд к командиру, чтобы узнать, кто мы такие. Кто-то узнал Горного и дядю Мишу, которые занимались на курсах минеров с минерами из этого отряда. После того, как нас накормили обедом, мы отправились дальше. Нас предупредили, что немцы восстанавливают железную дорогу Брянск-Орел, и идет большое движение по шоссе Брянск-Орел, которые мы должны переходить, чтобы мы были осторожны.

Ночевку устроили в лесу где-то под Белыми Берегами. Ночь была морозная. На земле была изморось. Костер разводить было опасно, и мы изрядно промерзли. Рано утром, легко позавтракав, отправились дальше. Часов в 12 дня мы перешли железную дорогу, где метров за 500-600 видели немцев и пленных наших солдат, которые работали на дороге. Немцы заметили нас, начала подавать знаки, но мы быстро перебежали железную дорогу, при этом немцы дали по нас два-три выстрела. Дошли до дома лесника, но не увидели там никаких признаков жизни. В доме лесника никого не было. Дом был пуст. Сразу же пошли искать место, где были спрятаны трофеи. Место нашли не сразу. При этом разгорелся спор между дядей Мишей и Горным по поводу расположения места. В конце концов, место отыскали. В тайнике мы взяли несколько немецких винтовок, два наших нагана один парабеллум, две сумки с документами, какой-то красный флаг с белым кругом в середине и со свастикой.

К вечеру отправились в дом лесника. Подошли с осторожностью и решили переночевать в доме. День был ясный и теплый, но к вечеру опять начало морозить. Выставили охрану. В подполье дома было много картофеля, в кладовке - кочаны капусты и свекла, в сарае - сено и солома. Двор был пуст. Хозяева уехали. Растопили русскую печь, начистили большой чугунок картофеля, сварили. Открыли две банки мясных консервов и сделали картофельное пюре с консервами. После ужина принесли в дом сена и соломы и устроили себе постели. Часть ребят легла на печи, другая - на соломе на полу. Предварительно составили расписание, кому, когда быть в карауле. Стоять на часах решили полтора часа каждому. У меня были часы, которые передали первому часовому. Часовые сменялись регулярно. После большого перехода и плохого отдыха прошедшей ночью в тепле быстро уснули. Спящие на полу ночью почувствовали, что холодно. Около трех часов ночи слышу сквозь сон какую-то суету, встаю, что такое? Оказывается, исчез Горный. Часовой должен был разбудить Горного, который по расписанию должен был его сменить. Часовой посветил фонариком туда, где спал Горный: его там не было, полез на печь - и там нет. Тогда он разбудил дядю Мишу и других. Начали мы искать Горного, а его нет нигде. Решили, что Горный сбежал. Проклинали его, как предателя. Решили усилить посты и отвести их дальше от дома по направлению к дороге. Затем решили быстро разогреть остатки ужина и уходить. Открываем печь и видим - Горный лежит в печи. Мы его вытащили за воротник и чуть ли не побили. Ночью Горный замерз на полу, хотел забраться на печь, но там не оказалось места. Тогда он открыл печь, забрался в печь и прикрыл себя заслонкой. Благо, русская печь была вместительная, и Горный расположился там в тепле. Когда мы его искали, то винтовка и мешок Горного были на месте. Посмеявшись, мы быстро закончили завтрак, настроение было приподнятое, и мы отправились назад. Дороги перешли без приключений. Погода испортилась, и пошел мелкий дождик со снегом, земля раскисла. К вечеру мы вновь зашли в отряд к Брянским, оставили им часть немецких винтовок, чтобы легче было идти, так как нужно было нести свое оружие и захваченное в тайнике. Через сутки мы возвратились в лагерь.

Рота Гудакова с Виноградовым 18 октября ушли в Соколовский лес строить новую базу в районе Круглого озера. 22 октября ушел отряд Шпадырева в тот же район. Хотя ушли на новую базу более двух рот, активные действия на дорогах продолжались, несмотря на запрет комиссара Рыжкова всяких боевых действий против захватчиков. В отряд прибывали солдаты и бойцы из окружения, роты численно увеличивались. Присоединившиеся окруженцы, отдохнув день-два, активно включались в боевые действия.

Кончился октябрь, наступил ноябрь. С ним пришли холодные ночи и заморозки, которые держались не только ночью, но и днем. Начали готовиться к встрече двадцать четвертой

годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Третьего ноября поставили палатку и организовали баню. Парились и мылись вместе все, но встретить праздник Октября нам не пришлось.

После ухода А.И. Виноградова П.А. Рыжков остался за командира и комиссара. Пятого ноября 1941 года утром дальние посты и разведка сообщили, что со стороны Бежицы к Болве идет колонна немцев около двухсот человек. На большаке Крыловка остановилось 2 танка и 2 пушки. На правом берегу Болвы расположились конные группы противника. Стало ясно, что противник проводит серьезную карательную операцию, и основная опасность грозит со стороны колонны, идущей от Бежицы. Танки в лесу нам не страшны, а обстрел артиллерии будет малоэффективен, так как наши землянки расположены на большом расстоянии друг от друга, да и мы сидеть не будем на одном месте. Роты заняли оборону по направлению к идущей колонне противника. Оставшиеся роты партизанского отряда заняли боевые позиции и приготовились к встрече с карателями. Карательный отряд с хода обстрелял лес, но так как в ответ выстрелов не последовало, начал входить в лес. Каратели не знали, где расположились партизаны, поэтому шли осторожно. Партизанская разведка все время наблюдала за ними и доносила обо всех их действиях. К часу дня каратели подошли на выстрел к партизанским позициям, но партизан еще не заметили, так как мы хорошо замаскировались. Подпустив врага на выстрел, партизаны открыли огонь. Каратели, не ожидая внезапного удара, отошли, а потом пошли в атаку. Бой продолжался до сумерек, партизаны не оставили своих позиций.

С подходом отряда Горбачева, который зашел врагу в тыл, карателей погнали из леса. Преследование было остановлено приказом Рыжкова. Оставшиеся фашисты вышли из леса и отошли в город. Стоявшие на Крыловской дороге пушки и танки сделали полсотни выстрелов, но снаряды ложились в разных местах, далеко от места боя и землянок партизан. В этом бою участвовали все роты, оставшиеся в лесу: рота Коренкова, Обыденникова, Мирошкина, Смертина, Горбачева и группы военнослужащих, оставшихся у нас. Каратели понесли большие потери. Были и у нас потери. Так, погиб командир роты Обыденников, Козин, Голицин - капитан из окружения. Были ранены Мирошкин, Макаренков, лейтенант Николай Королев, Сазонов.

Руководили боем начальник штаба Михаил Коршунов и старший лейтенант П. Смертин. В этом первом серьезном бою с карателями с отрицательной стороны показал себя комиссар отряда П.А. Рыжков. Все время боя просидел в штабной землянке, но иногда давал указания, мешающие партизанам, на которые партизаны мало обращали внимания.

Первый раненый поступил еще в начале боя - Костя Сазонов. У него было ранение предплечья с раздроблением двух костей. Собрались ему обработать рану. Положили на операционный стол. Копченкова начала давать эфирный масочный наркоз. Ефимова - снимать бинт. Ефимова, как только увидела рану, торчащие кости, бросила руку и убежала. Копченкова, увидев рану, тоже бросила маску и убежала. На крик мой зашел в землянку Тамбовцев, который шел в штаб с донесением. Вот он то и помог мне наложить повязку и шину. Ани возвратились уже к вечеру. Я думал, что они сбежали, а они прятались около землянки в кустах. Потом поступил раненый Мирошкин. Пуля разбила ему локтевой сустав. Королев и его друг лейтенант были ранены в ногу. У Королева была задета кость голени, у его друга - ранение мягких тканей, он пришел уже после окончания боя. Толя Макаренков был ранен в живот. Всем были обработаны раны и наложены повязки. Хорошо, что был перевязочный материал. Каратели ушли, унося своих раненых и оставляя убитых, которых было более семидесяти человек. Наши роты, собрав оружие, отошли. Поступил приказ всем ротам быстро собраться и уходить на новую базу к Круглому озеру. Горбачеву, Смертину - перейти к Орловским Дворикам, Денисову - забрать раненых и остаться на месте. Однако, оставаться раненым у Денисова, землянка которого была рядом с большаком, опасно. Я обратился к Рыжкову, сказав, что раненых оставлять у Денисова опасно, что раненые способны дойти сами за исключением Макаренкова, а одного мы можем нести, т.к. людей много.

Несмотря на мои доводы, раненые все-таки были оставлены. Мне было передано, что Денисов придет за нами. Раненым было приказано не говорить, что они остаются у Денисова. Придя в санчасть, я сказал Копченковой, чтобы она забрала свою санитарную сумку и

собралась уходить, при этом сообщил Королеву и его другу лейтенанту, чтобы они тоже ушли. Дал им костыли, и они с Копченковой и всем отрядом уже в темноте ушли. Отряд ушел очень спешно. Были оставлены все продукты и боеприпасы. Поздно вечером в полной темноте мы с Ефимовой сидели около землянки санчасти. К нам вышел Мирошкин и спросил:

- «Что же за нами не идут?»

Я его успокоил, как мог, но все-таки все были в тревоге. Потом мы услышали шаги. Окликнули, и отозвались Денисовцы. Мы забрали свои вещи, помогли раненым и пошли к Денисову.

Землянка Денисова была так близко расположена к дороге, что был слышен шум проходящих машин и голоса немцев. Нас с ранеными поместили в запасной землянке. Попасть в землянки Денисова было сложно, для этого нужно было проползти или пройти согнувшись по ходу метров 75. Ход был так замаскирован, что с поверхности был незаметен. Однако, вокруг землянки были открыты огневые точки и сооружена линия обороны. К огневым точкам можно было попасть из длинного входа в землянку. Кухня была замаскирована, и для костра выбирали такие дрова, которые не давали дыма. Однако, такая маскировка была не для войны. Время шло, раненые поправлялись, даже раненый в живот Макаренков выздоравливал. Пришел как-то Горбачев и сказал, что он со Смертиным уходит в лес к Круглому озеру. Теперь мы оставались одни.

Однако, вернемся к первым дням после боя. В эту ночь пошел снег и засыпал все следы. Днем в расположении старого лагеря начались выстрелы, которые продолжались около часа. Выстрелы были редкие.

Люди Денисова остались на месте. Узнать, что это за выстрелы было не разрешено, чтобы по следам не привести карателей к землянке. Ночью наступила оттепель, и снег растаял. Отправились мы: я, Козлов, Каширин и другие в наш лагерь. Подошли с осторожностью, но лагерь был пуст, только были видны следы хозяйничанья карателей. Следовательно, они вернулись на следующий день, и были в лагере. Землянки наши они сохранили. Нашли склад продуктов. Сухари рассыпали по земле, забрали макароны, часть консервов, вылили масло и керосин, рассыпали муку.

После обеда в большом составе сходили второй раз и принесли оставшиеся продукты. Я остался в землянке, где находились раненые, и сделал всем перевязки. Стерильный перевязочный материал был в пакетах. Инструменты простерилизовали на примусе.

Боевой деятельностью не занимались. Сидели в землянке тихо, как мыши. Седьмого ноября двадцать четвертую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции отметили следующим образом: комиссар отряда Каменев сделал доклад, после обеда занимались, кто чем может. Группа ушла в разведку в разные районы леса и большака. К вечеру все вернулись, но особых сведений не принесли.

Александр Каширин предложил сходить в Чайковичи и проведать, что там творится. Решили пойти дня через три. В Чайковичи пошли Денисов, командир отряда, я, Каширин, Козлов и еще двое. Так как Каширин и Денисов хорошо знали мельника Красносельского и считали его порядочным человеком и патриотом, то решили идти к нему. На краю Чайкович ближе к Дарковичам стояла Чайковская мельница. От мельницы шла центральная улица и переходила в дорогу на Бежицу. Через несколько домиков от этой улицы шел влево переулок, в котором стоял дом Красносельских. Когда мы вышли из лагеря, еще было светло. При подходе к Чайковичам наступила полная темнота. Со всей осторожностью мы прошли улицу и подошли к дому Красносельского. На наш стук открыл сам хозяин. Это был мужчина лет пятидесяти, высокого роста, широкий в плечах. Вся его фигура говорила о физической силе. У него были пышные волосы и борода с рыжим оттенком, Дома находились его жена, сын Виктор и дочь. Виктор и один из наших вышли на улицу для охраны. Красносельский рассказал, что делают немцы: назначили старостой его соседа, но тот отказывается. Рассказал, кто вступил в полицию и кого назначили начальником полиции, что в колхозной канцелярии устроили канцелярию старосты и полиции. Рассказал, что два раза был в Бежице, что там видел. Мельницу он уже наладил и ему приказано пустить ее в ход на этих днях. Мы ему сказали, что мельницу нужно сжечь. На что он возразил, что мельницу нужна больше населению и партизанам, чем фашистам, поэтому уничтожить мельницу нельзя. После долгих

споров пришли к единому соглашению, что мельницу надо сохранить. Условились, когда будем встречаться с ним. От мельника мы зашли к старосте Жилнову, который жил от Красносельского через два или три дома. Жилнов был дома, но нам не открыл. В доме плакали дети. Он дал нам обещание, что на немцев работать не будет и уедет, чтобы немцы не заставили его насильно работать на них. Сказал, чтобы мы забрали корову, так как ее немцы заберут, а вести ее на новое место жительства нет смысла, так как по дороге все равно отберут немцы. Мы предлагали ему остаться и работать старостой на нас. Но он возразил, что рано или поздно немцы узнают, что он работает на партизан, а у него четверо маленьких детей, лучше он уедет к своей матери. Как сложилась его судьба неизвестно. Корову мы забрали. Болва уже замерзла, лед был крепкий, корову мы с большим трудом перевели через скользкий лед. Пришли в лагерь очень поздно. Теперь мы два- три раза в неделю наведывались в Чайковичи. Немцы там бывали только днем небольшими группами. Полиция еще не приступила к своим представительским обязанностям, и многие полицейские скрывались и не хотели быть в полиции. В Чайковичах на одной из улиц жила Нина Егорова, которая работала со мной в поликлинике медсестрой. Я решил зайти к ней. Красносельский рассказал, как найти ее дом. В очередной раз, когда пришли к Красносельскому, мы с Козловым отправились к Егоровой. Дом мы нашли без труда. Это был очень маленький домик, аккуратный. Улица была в один ряд и перед окнами начинался глубокий овраг, который спускался на луг по направлению к Болве. На мой стук вышла мать Нины, но так как она меня не знала, то долго не открывала. Вышла Нина и сразу открыла. Окна были занавешены. Зажгли лампу. Вышел ее отец. Познакомились. Разговор завязался о военных делах. Потом я попросил у Нины перевязочного материала. Она дала все, что у него было, и обещала принести еще. Мы сказали ей, что нам нужно. При этом предложили ей собирать сведения о немецкой армии. На это ее отец сказал, что сбором сведений по армии он займется сам. так он старый солдат, еще воевавший в Первую Империалистическую и Гражданскую войны. Потом мы много раз приходили к Нине, которая снабжала нас перевязочным материалом, а ее отец - ценными разведанными, хотя мы их в тот период передавать красной армии не могли.

Мы начали ходить в Чайковичи уже днем. Как-то выпал небольшой снег, и было тепло. Мы, пять человек вошли в Чайковичи. После встречи с Красносельским шли обратно. От мельницы поднялись на горку по дороге к Дарковичам. Дорога шла в кустарнике, где были кусты орешника. Когда подходили к Чайковича, то Денисов приказал приготовить оружие на всякий случай. Так как у меня была только одна граната, то я вставил в неё взрыватель. При возвращении в лагерь мы шли по кустам рядом с дорогой. Кто-то сказал: - "Стой, немцы". Мы посмотрели на дорогу и увидели идущую машину с сидящими в ней немецкими солдатами. Они нас видели. Денисов сказал: - "Бросай гранату!". Я вынул из кармана гранату и начал второй взрыватель вставлять, забыв, что там есть один. Потом повернул предохранитель, и тут раздался лёгкий треск, и из щелей показалось пламя. Денисов крикнул: - "Бросай!". Я бросил наотмашь левой рукой, граната полетела, но ударилась об орешину и полетела прямо на нас. Я вижу даже, как она вращается и приближается к нам. А мы стоим в куче. Денисов крикнул: - "Ложись!", и мы кинулись на землю. Раздался не очень сильный взрыв. В ушах у меня зазвенело. Я лежал как будто придавленный. Даже появились мысли: наверное, убит или ранен. Я пошевелился, но боли не почувствовал. Приподнял голову, посмотрел по сторонам, вижу - все лежат недалеко от меня. Подумал, что все убиты. Потом, смотрю, стоит, низко согнувшись, Козлов и держится за уши. Я приподнялся, смотрю - начали подниматься другие, а Козлов стоял все согнувшись. Граната взорвалась рядом с нами, но из нас никто не был задет осколками. Только Козлову досталась больше всех, ранен он не был, но в ушах у него звенело долго. Автомашина с солдатами прошла раньше, чем взорвалась гранта, и они нас не заметили. Дальше мы пошли спокойно.

В один из приходов Красносельский сообщил нам, что новый староста, привезенный немцами какой-то мерзавец, составил списки, у кого что забрать. Сам староста проживает в Бежице. Списки находятся в его канцелярии. Мы пошли в канцелярию с Козловым и Кашириным. Там был сторож, который показал, где что лежит, и помог нам взломать стол и шкаф. Мы забрали все документы и списки и тут же сожгли в печке, которую топил сторож. Сторож спокойно отнесся ко всему, и на наш вопрос, а не боится ли он старосты, который

завтра все узнает, ответил, что он ему расскажет, как мы его поставили к стенке и караулили, а сами все делали. Действительно, приехавший утром староста рассказом сторожа был так напуган, что через полчаса уехал и не появлялся целых две недели. Нина Егорова продолжала снабжать нас перевязочным материалом и противобактериальными препаратами, что нам очень нужно было для раненых. Макаренко, раненый в живот, поправился очень скоро. Более тяжело переносили ранения Мирошкин, Сазонов, Королев. Раны их были обширные, но постепенно очищались и гранулировались, температура была нормальная и повышалась незначительно. Чайковичи мы посещали часто, но проводили беседы с населением редко. Виною тому было то, что мы сами ничего не знали. Связи у нас не было. Жители сообщали нам больше, чем мы им, например, они рассказывали, что в Бежице и Брянске все госпитали заполнены ранеными, следовательно, Красная армия бьет фашистов. Это утешало как жителей, так и нас.

В конце ноября штабом было приказано прислать в новый лагерь людей для строительства землянки. Денисов откомандировал человек десять, и они ночью отправились к Круглому озеру. С ними ушел Королев и его товарищ, раненые в ноги. Они уже начали ходить, но Королев еще жаловался на боль после того, как он походит. Задетая кость голени ему мешала, еще болела при ходьбе.

Время шло. Наступила зима 1941-1942 года. Снегу было много, морозы стояли большие. Штабом было разрешено отрядам Денисова и Горбачева перейти в лес Круглого озера. В середине декабря 1941 года весь личный состав отряда собрался, погрузили боеприпасы и продукты в сани, и ночью отправились на новую базу. На рассвете мы все пришли в новый лагерь. После завтрака, который был приготовлен бойцами, которые строили землянку, и короткого сна я отправился в штаб Объединенного отряда. Так как я за время пребывания в отряде Денисова привык и сдружился с ребятами, то несколько дней находился в этом отряде. В штабе мне приказали перейти на житье в штабную землянку. На такое предложение я ответил, что в штабной землянке тесно, что там кроме Рыжкова, Маргариты, Виноградова, начштаба капитана Маркова и радиста Веницкого еще буду и я. Тогда мне приказали переселиться в роту Дурнева. В этой роте меня с первых дней встретили очень хорошо, особенно бойцы и комсорг отряда Владимир Симонов. Симонов был очень общительный человек и любимец всех партизан отряда. На нарах расположился я рядом с Зиновым Николаем Маевским Владимиром, с которыми в дальнейшем подружился, и мы стали хорошими товарищами.

За время моего пребывания в Крыловском лесу у Денисова в отряде произошли значительные перемены. Так как отряды выросли в количестве, то были созданы три роты из окруженцев и местных жителей. Командирами этих рот стали лейтенант Смертин, Берндт, Коршунов Михаил. В Першине был создан партизанский отряд из окруженцев и местных жителей, а командиром был назначен И.С. Коренков. Роты Смертииа, Берндта и Коршунова были направлены в Умельскую дачу, где располагался отряд Пуклина и Шацкого из Любохны. На новой базе все отряды развернули сразу же активную деятельность не только боевую, но и среди местных жителей. Веницкий, который пришел из окружения, восстановил старый приемник, и партизаны ежедневно принимали сводки Совинформбюро.

Штаб объединенного партизанского отряда закрепил за каждым отрядом определенные населенные пункты. Были очищены от немцев и полицейских населенные пункты Липово, Васильевка, Семейовка, Ляды, Головашки, Можель, Дорожова, Домашово, Соколово, Першино, Крючки и другие. В этих деревнях были созданы отряды самообороны, были возвращены к своей деятельности руководители колхозов и сельских советов, созданы партийные и комсомольские организации. В некоторых населенных пунктах, близко расположенных к городу и железнодорожным станциям, исходя из обстановки и конспиративной работы, из числа проверенных лиц были избраны старосты и начальники полиции. Созданные группы самообороны провели сбор оружия и боеприпасов, оставленных после боев в данной местности. Были учтены оставшиеся продукты, проведена уборка и обмолот зерновых. Установлен порядок снабжения продуктов населения и партизанских отрядов. Установлены сигнальные посты и организована агентурная разведка в городах и на станциях, а также в населенных пунктах, занятых немецко-полицейскими гарнизонами.

Политработники, коммунисты и комсомольцы проводили активную работу среди населения. Ежедневно доставлялись сводки Совинформбюро, проводили их читки и беседы. Все население освобожденных деревень активно включилось в борьбу с оккупантами.

Отряды, расположенные за Болвой в Умельском лесу, вместе с отрядом Любохонских партизан освободили от немецко-полицейских гарнизонов деревни Пупково, Мишино, Стайки, Овсорок, Романовка, Любыш, Жуковка. Были созданы группы самообороны, и бойцы этих групп участвовали в нападении на немецкие транспорты, взрывали мосты и уничтожали связь. Отряды активно действовали на коммуникациях противника, взрывали эшелоны противника на дороге Брянск - Москва, Брянск - Вязьма и Брянск - Рославль. Очень мало взрывчатки. Партизаны начали выковыривать из мерзлой земли оставшиеся на минных полях мины и использовать их. Это была очень опасная работа: так, комиссар отряда Пуклина Павловский Иван Захарович, снимая замороженные мины, погиб. Опытный сапер Иван Чузавков, вернувшийся в деревню Улемль, организовал группу самообороны, связался с отрядом Пуклина, также снимал мины, которые использовал при диверсиях на дорогах противника.

Отряд Денисова продолжал посещать и проводить работу с населением в поселке Чайковичи.

Рота Дуриева работала в Дарковичах, а рота Гудакова - в Дубровке. Мне приходилось бывать во всех этих населенных пунктах. Особенно часто в Чайковичах.

Еще при расположении в Крыловском лесу мельник Красносельский снабжал мукой отряд Денисова из помола для немецкой комендатуры. На этот раз мы с Кашириным и Козловым днем приехали на мельницу. На мельнице было около 25 женщин из Бежицы, которые принесли немного зерна для помола. Красносельский намолот около двух тонн муки для комендатуры. Мы решили ее забрать. Навалили мешки на сани, но много еще оставалось. Тогда мы решили раздать ее находившимся там женщинам. По нашему предложению они с большой охотой насыпали себе муки, кто во что мог, даже некоторые сняли юбки и заполнили их мукой. В этот раз одна из женщин узнала меня и вступила со мной в разговор, желая нам скорей разбить фашистов. Красносельский спросил, как же он будет теперь рассчитывать с немцами. На это я сказал ему, что мы даем ему расписку, которую он должен предъявить немцам. Назавтра, приехавшим за мукой немцам, он предъявил эту расписку, в которой было указано, что муку забрали партизаны в таком-то количестве и подпись: партизан - доктор Батюнин. Естественно, немцы забрали с собой мельника. Красносельский просидел в камере трое суток, изрядно был избит и отпущен с приказом муку партизанам не давать и при появлении их сообщить в комендатуру, на что он дал полное согласие. Прошло несколько дней, и вечером мы вновь встретились с Красносельским, на лице его еще были видны следы побоев, но дух у него был бодрый. Рассказывая, как его допрашивали, и как при этом трусила полиция, а на этот раз его передали в полицию, он был в приподнятом настроении. Дети его, дочь и сын, были в восторге от отца.

Через несколько дней его сын через связного, проживающего в Дарковичах, передал, что отец просил приехать за мукой, которая будет готова в указанный день. На этот раз мы взяли ломовую трофейную лошадь у Горбачева и ребятами из его отряда Матюшиным и Безменовым отправились в Чайковичи. Мука была уже готова. Быстро перенесли ее на сани, выдали такую же расписку мельнику и отправились в отряд. Лошадь к нашему огорчению передвигалась только шагом. На все наши усилия подогнать ее и ехать быстрее, она не обращала внимания. Уже поздно ночью добрались до лагеря. Нас встретил Андрей Горбачев и сказал:

- "А я уже думал, что с вами что-то случилось".

Когда мы рассказали о лошади, то он, смеясь, сказал:

- "Что же вы хотели. Как-никак, а она немецкая, еще не перевоспиталась". Однако, на этот раз Красносельскому досталось еще больше. Допрос вел сам начальник полиции, но все-таки немцы мельника отпустили с наказом разузнать, где находятся партизаны, и при их появлении немедленно сообщить. Даже для скорейшего сообщения дали ему лошадь. На этот раз ему только выбили один зуб, за который он им обещал еще показать себя. Красносельский начал

просил забрать в отряд его сына и дочь. С разрешения командира отряда А.И. Виноградова Виктор и Елена были взяты в отряд Денисова, хотя Рыжков и возражал против их зачисления в отряд. Каширина и меня уже в отряде начали называть комендантами Чайкович. Последний раз мы забрали муку у Красносельского с ребятами из роты Дурнева. Маевский, Зинов, Титов и я поехали к вечеру в Чайковичи и уже в сумерках подъехали к мельнице. Зашли на мельницу, и нам навстречу спускается по лестнице Красносельский весь в муке. При виде нас он остановился, и на его лице можно было увидеть удивление и вопрос. Дело заключалось в том, что он еще был наверху, когда немцы, привозившие пшеницу, сошли вниз, чтобы уехать. Мельник думал, что мы столкнулись с немцами и побили их. Но мы, как при подъезде к мельнице, так и в мельнице их не видели. Следовательно, они быстро уехали, что потом подтвердили женщины, которые были в этот момент на мельнице. Вновь, как всегда, мы нагрузили полные сани мешков муки и отправились на свой стан. После этой поездки больше мы приехать на мельницу не могли, так как немцы в Чайкович поставили сильный гарнизон и отряд полиции. Однако, посещать Чайковичи мы продолжали. Немцы с района Чайкович начали из орудий обстреливать район Круглого озера. Снаряды ложились, не долетая Круглого озера, и падали в лесу. На этот раз дом лесника Субботкина не пострадал. Так они обстреливали несколько раз, но вреда нам от этого не было.

Как-то в декабре нужно было сходить в Чайковичи и получить разведданные от Егоровой. Так как с ней был связан только я, то послали меня и Володю Маевского. В Чайковичи мы пришли около десяти часов вечера. Перед этим зашли в Дарковичи узнать обстановку в Чайковичах. Нам сказали, что немцы стоят только на улице, идущей к Бежице, на дороге к Чаковичам немцев нет. Мы по улице дошли до дома Егоровой и условно постучали. Была темная ночь, и нам на улице никто не встретился. Мороз был градусов 25. На наш стук открыла мать Нины, быстро затянула в дом, и мы увидели, как они все чем-то встревожены. Первый их вопрос был, как же мы прошли? Дело в том, что в Чайковичах на всех улицах расположились немцы. В соседних домах тоже стояли солдаты. К ним не стали только потому, что отец Нины был немец, оставшийся из военнопленных Первой Мировой войны и воевавший в Красной армии в Гражданскую войну. Мы быстро получили данные, собранные Ниной и ее отцом, и медикаменты. Отец Нины вышел, осторожно осмотрелся, а потом дал знак, что можно уходить. Он сказал нам, что нужно прямо от их дома скатиться в ров. Если возьмем правей, то там наткнемся на охрану двух пушек. Из-за кромешной темноты мы действительно взяли много вправо и наткнулись на пушки. К нашему счастью охраны не было, но кругом было все вытоптано. Пройти мимо такого Маевский не мог. На мое предложение скатиться в ров, он ответил:

- "Нет, дудки. Пройти мимо пушек, которые обстреливают нас, я не могу. Помогай!" - с этими словами мы сдвинули пушки к краю рва и сбросили их в ров. Отвес был крутой, ров глубокий, и пушки загремели, кувыркаясь. Мы скатились следом за ними и по рву побежали в сторону Болвы. Только отбежали метро на триста, как с места расположения пушек началась стрельба. Трассирующие пули веером летели высоко над нашими головами и во все стороны, но мы были уже недосыгаемы для них. Снег был глубокий, а нам нужно было идти еще много. Теперь мы не могли выйти на дорогу через Дварковичи, так как боялись, что немцы ее перехватят. В обход Дваркович вышли мы к дубу на Любохонском большаке и к утру пришли в лагерь. Утром доложили командованию, от которого получили взбучку, так как взяли не за свое дело. Однако партизаны были весьма довольны.

Еще в ноябре 1941 года, когда мы находились в Крыловском лесу, посещая Дарковичи, мы встретили там девушку военфельдшера, которая попала в окружение, и ее приютили жители Даркович. Как-то мы пришли в Дарковичи и расположились в одном доме, где у нас была явка. Только мы зашли, как дверь отворилась, и в дом вошла девушка, одетая в военную форму с кубиками лейтенанта и санитарной сумкой. Мы были просто удивлены. Прямо с порога она заговорила:

- "Ну, вот. Теперь я с вами встретилась. Больше никуда не пойду. Берите в отряд. Я шла от самой западной границы и, вот, отстала от своих, заболела. Хозяин дома нам объяснил, что девушка живет в деревне с октября, всех лечит, но у нее нет лекарств. Полиция начинает к ней придирается. Возьмите ее, ребята, в отряд. Хозяйка ее выдает за племянницу мужа, который на

фронте. Девушка нам понравилась за свою настойчивость, а самое главное - за ее действия и желание перейти линию фронта. Мы уверили ее, что в отряд возьмем, только пока она здесь нужнее для оказания помощи населению. Медикаментов ей не обещаем, так как их нет у нас самих. Она нам сказала, что у нее есть запас перевязочного материала и хирургические инструменты, которые она подобрала уже здесь. Мы пошли к ней на квартиру, и она нам дала перевязочный материал и хирургический инструмент, особенно нам нужны были шприцы. Оказалось, что в Дарковичах проживают несколько младших офицеров и солдат Красной армии. Основная часть их осталась, так как были ранены. Она их лечила. Потом все они были взяты в отряд и в феврале 1942 года отправлены за линию фронта через "Кировский коридор", о котором речь пойдет позднее.

С оккупацией местности нормальная жизнь исчезла по приказу оккупантов. Если до войны во многих населенных пунктах были медпункты или врачебные участки, то с оккупацией оказание медицинской помощи было прекращено. Просто оккупанты переселяли медицинских работников и закрывали медпункты и врачебные участки. Мне, как единственному врачу в этом районе, пришлось оказывать помощь населению. Если в первые месяцы, пока мы находились с Денисовым в Крыловском лесу, приходилось оказывать помощь только раненым, которых у нас было несколько человек, то с переходом в Липовский лес и с освобождением населенных пунктов нужно было оказывать помощь и населению. Врачи партизанских отрядов имели несколько задач. Первая - оказание медицинской и профилактической помощи составу отрядов. И вторая, не менее важная, - оказание помощи населению при отсутствии медикаментов. В отряд были приняты медработники, попавшие в окружение: это в основном фельдшерский состав. Мы распределили всех медработников и закрепили их за населенными пунктами, где они регулярно проводили прием населения и оказывали посильную помощь. Население делилось с нами при этом своим запасом медикаментов. Проводили беседы на профилактические темы, рассказывали об инфекционных заболеваниях, о возможности заражения и первых признаках заболевания. Осматривали население на вшивость. В банях устраивали дезкамеры и проводили дезинфекцию одежды. Нужно сказать, что население, понимая опасность заболеваний, всегда шло нам навстречу и активно принимало участие в наших мероприятиях. Во всех населенных пунктах были назначены санитары, которые следили за чистотой, регулярным помывом в банях и сообщали нам о случаях заболеваний.

Кроме оказания помощи в своем отряде мне приходилось оказывать помощь раненым в других отрядах. Так, через несколько дней после моего прихода в лес Круглого озера меня вызвали в отряд Демочкина, у которого было ранено три бойца. Ранения были легкие без поражения костей. Пришлось провести обработку ран на месте, но они отказались перейти в санчасть нашего отряда, и мне приходилось посещать их в отряде Демочкина. Они вскоре поправились и вступили в строй. Рядом с нашим отрядом на небольшом расстоянии располагались несколько отрядов из военнослужащих Красной армии, попавших в окружение. В одном из отрядов, которым командовал лейтенант Иван Павлович Рожков, я встретил военврача второго ранга Александра Гавриловича Сербова. Сербов попал в окружение еще в Белоруссии и с небольшой группой пробирался к линии фронта, но зима их застала в районе Дятькова, и они здесь организовали партизанский отряд. А.Г. Сербов был весьма образованный человек, и беседа с ним мне всегда доставляла большое удовольствие. При этом, он был очень опытный кадровый врач. Он был старше меня лет на пятнадцать. Много рассказывал о первых боях на границе, о стойкости и мужестве наших солдат и офицеров. Его уверенность в нашей победе сквозила во всего его рассказах. При первой нашей встрече он сидел в землянке, и ноги его были опущены в ведро с горячей водой. Он извинился за прием такой процедуры и пояснил, что ноги опухли. Действительно, когда он вынул ноги из ведра, я увидел опухшие ноги.

- "Вот, видите, доктор, какие. Все это результат хождения по болотам месяцами в мокрых портянках. Не успеешь снять сапоги, как начинается бой. Так что, мне тоже приходилось стрелять по врагу". Я часто посещал его, подружился не только с ним, но и с бойцами их отряда. Потом мы воевали вместе до соединения с Советской армией. Сербов весной 1943 года

по болезни был отправлен самолетом на Большую землю и после лечения в госпитале продолжал службу в Советской армии.

В другом отряде военнослужащих я встретил кадрового военфельдшера Василия Ясько. Вот и все медицинские работники партизанских отрядов в районе Дятькова в первые месяцы войны.

Кроме оказания помощи населению освобожденных деревень, приходилось посещать деревни, занятые немецко-полицейскими гарнизонами. Обычно это происходило так. Из занятой немцами деревни приезжали в деревню, которая находилась под контролем партизан, вызывали врача, и мы приезжали ночью, а иногда и днем к больному и оказывали ему помощь, затем так же тайно отправляли в освобожденную деревню.

В декабре 1941 года и январе 1942 года отряды Пуклина, Берндта, Смертина, находившиеся в Улемском лесу, и Любохонский отряд Шацкого вели активные действия против оккупантов. Так, была разработана Судимирская операция, о которой упоминается в истории Отечественной войны. Операция была разработана и проведена под руководством начальника штаба Объединенного отряда И.Д. Маркова, Пуклина, Смертина и Берндта.

В ночь на двадцать пятое декабря 1941 года гарнизон станции Судимир был уничтожен. Операция была тщательно подготовлена. Разведка из местных жителей и партизан постоянно давала сведения. Двадцать пятого декабря, когда оккупанты отмечали Рождество и собрались на банкет в здании вокзала, партизаны заняли исходные позиции и в полночь внезапной атакой забросали здание вокзала и казармы гранатами. Выбегающих врагов расстреливали в упор. Другие группы взорвали стрелки, железнодорожное полотно, два эшелона с боеприпасами, горючим, водокачку, водонапорную башню, паровозы и стоявшие на станции автомашины. Было уничтожено двести немецких солдат и офицеров. Станция была выведена из строя на несколько дней на важной железнодорожной линии Брянск-Москва. При этом партизаны потерь не имели даже ранеными. Эти отряды, дислоцированные в Улемском лесу, состояли в основном из военнослужащих, рабочих бежицких заводов и местных жителей. В это же время партизанские отряды из Объединенного Бежицкого отряда, расположенные у Круглого озера, расширили зону своих действий, очистили многие населенные пункты от оккупантов, создали отряды самообороны в освобожденных деревнях. Созданные вновь отряды из окруженцев и местных жителей, которыми командовали Коренков и Журавлев, рвположились в деревнях Першино, Соколово и Домашово. В Бордовичах и Голяжье была организована группа диверсий и агентурной разведки, которая активно действовала.

По данным разведки было получено сообщение, что на станции Сельцо в двадцати км от Бежицы оккупанты собрали много зерна для отправки в Германию и пустили лесопильный завод. Рота Шпадырева двадцатого декабря в полночь заняла боевые позиции и по команде вошла в поселок Сельцо. Около линии железной дороги Шпадырев и его комиссар Борисенко зашли в один из домов. В доме в кровати спали четверо детей. Хозяин Семен Иванов сидел у стола под коптилкой, сделанной из снарядной гильзы. Из разговора с хозяином выяснилось, что вчера немцы убили его жену, которая шла в деревню менять вещи на продукты, а его гоняют на работу на лесозавод. На просьбу Шпадырева указать, где стоят немцы и полиция, он охотно согласился. Отряд разделился на три группы: одна из них пошла к казарме, где находились немцы, вторая - к казарме полиции и третья - к лесопильному заводу и складу зерна. Внезапный удар партизан застал гарнизон врасплох. Часовые и патрули были сняты без шума. Казармы забросаны гранатами, и выбегающие немцы и полицейские расстреляны. Было взорвано на заводе четыре пилорамы, сожжено помещение завода, взорваны подъездные пути завода, взорваны стрелки на станции. Часть зерна забрали партизаны и раздали жителям. Оставшееся зерно было сожжено. Гарнизон частично был уничтожен и частично разбежался. Ушел начальник полиции Макрицкий.

Было в отряде Денисова два брата: Александр Козлов, лет двадцати двух, и Вася, лет четырнадцати. Вася был небольшого роста, но смелый и расторопный. По росту ему можно было дать лет десять. В Бежицу неоднократно ходил Борис Горный на связь и диверсии. Однажды были посланы Горный и Вася Козлов с заданием расклеить листовки Совинформбюро, отпечатанные мною на машинке, и передать письмо голове города, чтобы он отказался от службы немцам. Утром они пришли в город, расклеили листовки, а потом Вася

зашел к голове города и сунул ему письмо. Пока тот его вскрывал, Васи и след простыл. Полиция начала поиски. Полиция захватила Васю и Горного у дома сестры Васи, к которой они направлялись. Когда вели их в полицию, они проходили около забора хлебозавода. Горный, который спрятал в рукаве пальто пистолет, выстрелил в живот одному полицая, а сам перелез через забор. Полицай схватился за живот и упал, другой полицай бросил винтовку и убежал. За Горным через забор бросился Вася, но подоспевшие полицейские схватили его за ногу и стащили с забора. Забор для Васи был слишком высок. Да, и сапоги у Васи были сорок второго размера - не по его ноге. В полиции на допросе Вася рассказал, что на улице его встретил убежавший дядя и просил передать письмо голове. За это он ему дал деньги, которые нашли в Васи при обыске. При этом Вася сказал, что этот дядя просил расклеить по городу какие-то листовки, но он отказался. Как будто совпадало все. Однако, допрашивали его ежедневного и полицейские, и немцы. При этом давали несколько оплеух. Кто-то из полицейских опознал его неисправимого сорванца, на пятый день Вася попросился в туалет, его повел полицай. Вася зашел в туалет, а полицай остался у двери. Вася пролез через дыру, спустился в яму и ушел. Зная все ходы и выходы в городе, он скрылся. Вася пришел в Крыловский лес и остался на ночь в одной из землянок. Предварительно он зашел на бывший склад, набрал там сухарей, которые разбросали каратели еще пятого ноября, погрыз их и улегся спать. В этот день я, его брат Козлов и еще двое партизан из роты Денисова приехали рано утром в этот лес забрать оставшиеся там продукты. Пошли в штабную землянку и увидели на снегу свежий след, который вел в землянку. Следа выхода из землянки не было. Следовательно, кто-то находился в землянке. Крикнули:

- "Выходи!" - никто не отозвался.

- "Выходи! Или гранату бросим!" - слышим, кто-то зашевелился в землянке. Смотрим, из землянки лезет наш Вася. Как здесь обрадовался его брат Александр. В отряде уже думали, что пропал наш Вася. Мы забрали сухари, котел сливочного масла. Принесли его на жердине в землянку Денисова, где оставили сани с лошастью и охрану. Наш часовой приготовил нам уже обед, мы накормили Васю, закончили обед, выслушали его рассказа и вечером отправились к Круглому озеру. Вася был представлен к медали "За отвагу". В дальнейшем он еще не раз выполнял разные поручения по разведке и участвовал в боях. Когда мы спросили Васю, почему он не шел в лагерь, он нам ответил, что он туда дороги не знал. Правда, ведь мы уходили из этого лагеря ночью. Где такому мальчишке найти дорогу.

- "Чтобы ты здесь делал?"

- "Вечером пошел бы в Дарковичи, а оттуда я бы нашел дорогу".

Несмотря на большие сапоги, Вася изрядно замерз, но ноги не отморозил, но мы его нашли своевременно. Мог бы замерзнуть, морозы в то время были большие.

В то время раненых у нас было очень мало, да и то в основном легко раненые, которые не выходили из строя. Были и ранения из-за неумения обращаться с трофейным и нашим оружием. Больше приходилось заниматься профилактической работой, проводить беседы с партизанами на разные темы, проводить беседы по сводкам Советинформбюро среди жителей и с группами ходить на боевые операции.

Однако, активные диверсионные и боевые действия всего Объединенного партизанского отряда, занятие и контролирование большого количества населенных пунктов не осталась без внимания оккупантов. Готовилась большая карательная экспедиция, о которой мы знали, но, когда она начнется и с какого направления, нам было неизвестно из-за недоверия нашего комиссара агентам в городе и пригородах.

Карательная экспедиция началась 25 декабря. Каратели шли двумя колоннами. Одна выступила из Сельца по направлению Дорожово - Соколово - Першино, где располагались отряды Коренкова, Журавлева, Демочкина и боевая самооборона. Вторая группа карателей шла из Чайкович по направлению Круглое озеро - Липово - Морежь - Дорожово. Цель карателей: окружить партизанский отряд. Однако, сильные и боеспособные отряды Коренкова и Журавлева, состоявшие в основном из военнослужащих с самообороной, дали бой и каратели отошли в деревню Лазенка. Партизаны их не преследовали. Это была наша ошибка. В этот день командир роты Гудаков и его комиссар И.Б. Лунин рано утром выехали в деревни Красная Гора и Лавшино для инструктажа самообороны и проведения политработы среди

населения. В этот же день вечером должно было состояться партийное собрание с участием представителя Брянского горотдела НКВД В.И. Суровягина с повесткой дня:

1. Итоги боевой деятельности Объединенного Бежицкого отряда и задачи коммунистов по расширению партизанского движения - докладчик - командир Объединенного отряда А.И. Виноградов.
2. Организационный вопрос - докладчик - комиссар отряда П.А. Рыжков.

Собрание в этот день не состоялось.

Гудаков и Лунин не знали, что немцы заняли Лазенки. Лунин И.Б., секретарь парторганизации Объединенного Бежицкого отряда, чтобы вовремя попасть на собрание, выехал первым. С ним были старшина роты Н.И. Фетисов и боец-окруженец, москвич, Поликарпов. Ничего не подозревая, они въехали в Лазенку и встретили карателей. Завязался бой трех партизан с карательным отрядом. Отступить было некуда. Они погибли.

В этот же день карательный отряд из Чайкович, который вел Чайковичковский староста, утром пришел на Круглое озеро к дому лесника Андрея Субботкина. В это время в бане лесника занимались стиркой белья партизанки Елена Яник (Артюхова по мужу), Сима Кричевская, жена Субботкина и жена рабочего лесничества Скрипникова. В этот день пришли в дом лесника из отряда гордищенского Дворянчиков В. и Петр Захаркин. Они находились в доме с Субботкиным и Ильей Скрипниковым. Дальних постов отряд не имел. Поэтому каратели подошли незамеченными к дому лесника. Из дома их увидели, когда они уже окружили дом и были у бани. Пытавшуюся бежать Елену Яник тут же убили. Убили и Скрипникову. Симу Кричевскую захватили. Партизаны начали бой. Скрипников бил из ручного пулемета, другие - из винтовок. Каратели подожгли дом и баню. Бой продолжался в горящем доме. Илья Скрипников дал команду уходить через двор, а сам выбежал из дома, расстреливая из пулемета карателей, но был убит. Оставшиеся воспользовались этим и перелезли через забор. Прыгая с забора, Дворянчиков упал на голову фашисту, который растерялся, этим воспользовался Дворянчиков и ушел в лес, а за ним и Захаркин. В доме лесника погибли жена Субботкина, жена Скрипникова, Скрипников, десятилетний сын Субботкина, Елена Яник. Каратели отправились по дороге в Липово. Они прошли недалеко от лагеря партизан. В Липове они расположились на ночь. Каратели показали жителям Кричевскую, но так как жители сделали вид, что не знают ее, то немцы повесили Кричевскую.

Нужно отметить, что отряд был небольшой.

Гудаков, возвращаясь из Лавшина, к вечеру подъехал к Липову. Он не знал, что в Липове каратели. Подъехал без всякой осторожности, остановил лошадь у знакомого дома, когда взошел на крыльцо, то увидел немца, но не растерялся и сказал, что он из полиции и привез продукты. Солдат повернулся пойти в дом, тут Гудаков перелез через забор и скрылся в темноте. Немец поднял стрельбу, но было поздно. Так спасся Гудаков со своим напарником. Лошадь и сани с продуктами остались карателям. Ночью на совещании было решено уничтожить карателей в Липове. Операцией взялся руководить комиссар П.А. Рыжков. Рано утром партизаны заняли позиции для боя в лесу за Липовым. Каратели должны были пойти по полю. Позиция была выгодная для партизан. Однако каратели перед уходом из деревни подожгли дома и только не тронули улицу у леса. В этом селе на краю была деревянная церковь постройки семнадцатого или восемнадцатого века.

Каратели в церкви закрыли учительницу Завадскую Степаниду Николаевну и ее сестру Татьяну Николаевну, прибывшую в Липово в начале войны. Бой не состоялся. Не начиная боя, Рыжков дал команду отходить. Кто-то из партизан не выдержал и дал очередь из пулемета. Каратели открыли огонь. Рыжков спешил в лагерь, бросая отряд. Отходившие партизаны на дороге бросили станковый пулемет, который подобрали каратели. По дороге в Сельцо каратели, проходя через маленькую деревню Можерь, сожгли ее. Партизаны, погибшие в доме лесника и обгоревшие трупы учительницы и ее сестры, были похоронены на партизанском кладбище, где теперь стоит памятник. Так, из-за трусости Рыжкова погибли лучшие люди: Лунин И.В., Фетисов, Поликарпов, Яник, Кричевская, Скрипников, Скрипникова, Субботкина, Коля Субботкин.

Если бы командование предупредило Лунина и его товарищей, а это можно было сделать, послать им на встречу партизан, они бы избрали другую дорогу и не попали бы в лапы

карателей. Во время подготовки и расположения к бою под Липовым командир отряда Виноградов находился в лагере и спокойно читал стихи Пушкина.

Долгое время связи с большой землей у нас не было. Мы не знали, где ведет бои Красная армия, но по данным разведки знали, что немецкие госпитали переполнены ранеными, которые все поступают и поступают. Наши люди, работавшие в госпиталях санитарками, говорили, что некоторые немцы говорят, что им очень достается и войне нет конца. В середине ноября в отряд пришла группа военнослужащих, попавших в окружение. Среди них был Аркадий Веницкий, инженер-радиотехник по образованию. Когда в отряде узнали о таком человеке, то среди населения нашли несколько радиоприемников, но все они были неисправные. Веницкий собрал один приемник, нашли и питание для него, и теперь в положенное время принимали сводки Совинформбюро, которые тут же размножались и доводились до сведения всех партизан и рассылались по деревням. Теперь население знало, где идут бои. Сообщения Совинформбюро поднимали дух партизан и населения.

Однако в первые дни жизни в лагере на Круглом озере не все было гладко. Так как связь с населением еще не была налажена, то в отряде сложилась трудная обстановка, не было продуктов и теплой одежды, а зима наступила холодная. Комиссар отряда поставил вопрос о роспуске отряда. Своей властью он отправил по домам около десятка партизан из молодых ребят. Отправил и моего брата Александра. Но благодаря секретарю парторганизации Лунину, это было прекращено, и партизаны были направлены к населению, которое быстро отозвалось на наш призыв и постоянно оказывало помощь партизанам. Такое вмешательство И.Б. Лунина очень не нравилось Рыжкову, который до самой гибели Лунина был с ним в натянутых отношениях. После гибели Лунина секретарем партийной организации Объединенного отряда был избран Григорий Григорьевич Гавриличев. При обсуждении вопроса о роспуске отряда все командиры рот были возмущены. При этом Горбачев и Денисов заявила, что кто желает, тот пусть распускается, а мы будем бить фашистов.

Коммунисты отрядов отправились по населенным пунктам, начали проводить разъяснительную работу, отряды изгнали немецко-полицейские гарнизоны из деревень на большом расстоянии. Провели учет и наладили распределение колхозных продуктов. Там, где не закончили обмолот, помогали населению. Отремонтировали мельницы и пустили их в работу. Была собрана теплая одежда для партизан, которая распределялась по отрядам. В деревнях, где были значительные гарнизоны противника, были поставлены старостами наши доверенные люди, которые часто саботировали мероприятия оккупантов и наводили партизан на них.

В лесах севернее Дяткова кроме нашего Объединенного отряда и Жуковского отряда находились около десятка небольших партизанских отрядов из военнослужащих, попавших в окружение, а также отряды из местных жителей. Все они действовали на свой страх и риск.

Ряд командиров уже ставили вопрос об объединении всех отрядов под одно командование. Но дятковский отряд и наш возражали. Однако, условия говорили, что объединение необходимо для успешного развития партизанского движения.

Во второй половине декабря 1941 года было назначено совещание командиров всех партизанских отрядов, которое проходило в деревне Манешино. На этом совещании был образован штаб объединенного командования в состав которого вошли: командир Объединенного штаба майор Яковлев Ф.А., начальник штаба капитан Мамынов В.О., начальник разведки - старший лейтенант орлов Г.И. Создание штаба объединенного командования в некоторой степени организовало действия отрядов, но до полного объединения было еще далеко. В дальнейшем это мероприятие явилось толчком к объединению всех партизанских отрядов и созданию мощного партизанского соединения. Однако, не все командиры выполняли указания созданного штаба, что приводило к нарушению дисциплины и снижению боевой деятельности. Объединению с другими отрядами также сопротивлялось и командование нашего отряда.

После перебазирования отряда в район Круглого озера роте Шпадырева был указан район действия и работы с населением, в который входили деревни Голяжье, Толвинка, Нетинка, Бордовичи и ряд других. В своем районе Шпадырев в первую очередь организовал

подпольные диверсионные группы и агентурную разведку. Ряд жителей, участников подпольной организации, были внедрены в полицию и другие учреждения оккупационной администрации. В эти группы входили такие лица, как коммунист К.К. Никитин, офицеры Красной армии, попавшие в окружение и прибывшие в родные места В.Н. Гришков, П.Ф. Наумов. Эти лица были основными организаторами, которые привлекли молодежь и комсомольцев Гришкова Н.Е., Гришкова И.Е., Панасова А.Г., Сиверина Н.И., Савина С.А., Прудникова Н.И., Аверину М.Н. и других. Эта группа дерзко действовала на коммуникациях противника, а также в населенных пунктах Голяжье, Толвинка, Бордовичи, городе Бежица, поселке Бежичи, где часто останавливались колонны транспорта противника. Ставили магнитные мины с часовым механизмом, устраивали пожары. Но среди появился предатель, который предал эту группу. Однако почти все участники подполья ушли своевременно в лес и вступили в наш партизанский отряд. Однако, каратели схватили отца Гришковых и мать Гришкова Н.П., и Гришкову А.И., Никитину Е.А. сожгли в их же доме. Однако, лица внедренные в органы полиции и другие административные учреждения, продолжали действовать: Гришкова А.Н., Наумов Ф.В., Гришкова А.А., Савин Л.П., Савин Н.Л. вели постоянную разведывательную работу. Эта агентурная разведгруппа работала до освобождения Брянщины от оккупантов. Так, в моем дневнике за 28 января записано: "Рано проснулся. Вышел из землянки, вижу - у землянки Шпандырева стоит мотоцикл. Подошел и вижу - "Цендап" новенький. Откуда? Захожу в землянку Т.Ф. Шпандырева, на полатах сидит немецкий офицер". 27 января из этой группы донесли, что в Голяжье приехал офицер и три полицейских, остановились в доме Зенцовой. Что делать? Шпандырев приказал не трогать. Шпандырев с тремя партизанами приехал в село. Взяли полицейских и немецкого офицера. Мотоцикл и офицер были доставлены в распоряжение партизанского отряда. Офицер дал ценные сведения о наличии военных объектов и частей в этом районе. Офицер был из оккупационной комендатуры и знал многое.

Так как декабрь заканчивался, то партизаны решили отметить уходящий год активными боевыми действиями против оккупантов. Усиленные группы партизан проводили диверсии на дорогах, по которым передвигались немецкие транспорты. На железной дороге группы диверсантов-подрывников взрывали эшелоны и уничтожали станционное оборудование.

Наступивший 1942 год принес нам радостную весть. Так, тринадцатого января рано утром Совинформбюро сообщило, особенно для нас, радостную весть - войска Красной армии освободили города Людиново, Киров, ст. Фаянсовая и другие. Эти населенные пункты были от нас в двух-трех десятках километров.

В этот же день в Дятьково ворвались остатки немецких войск, разбитых под Людиновом, и полицейские - изменники Родины, совершившие тяжкие преступления против советского народа. Ворвавшись в первый попавшийся дом, учинили там зверства над его жителями.

В этот же день партизаны Дятьковского отряда и из отряда военнослужащих на подступах к городу Дятьково встретились со взводом разведки 323 стрелковой дивизии, занявшей город Людиново. Командир Объединенного штаба майор Яковлев принял решение - к утру четырнадцатого января подтянуть к Дятькову военные отряды и совместными усилиями нанести удар по деморализованным подразделениям противника и освободить город Дятьково. За ночь с 13 на 14 января разведка партизан установила наличие и расположение противника в Дятьково. Немцев с полицейскими было около трехсот пятидесяти человек, вооруженных только стрелковым оружием. К восьми утра четырнадцатого января атакующие группы заняли свои позиции. Из воинских отрядов прибыл на место только отряд Орешкина и взвод разведки, из Дятьковского отряда - группа Земского. Всего собралось более ста человек. Отряды Куликова и Корягина на месте атаки не оказались, они ушли в направлении города Кирова с целью перейти линию фронта и соединиться с Красной армией. Об их уходе не был поставлен в известность командир Объединенного штаба майор Яковлев. В восемь утра четырнадцатого января партизаны завязали бой и выбили противника из города.

Партизаны стремительно преследователи противника, и к десяти утра город Дятьково был освобожден. Однако в двенадцать часов дня к Дятькову подошла группа лыжников противника около ста пятидесяти человек, которая завязала бой с партизанами за город, но была отбита. В два часа дня к городу подошла колонна танков противника с пехотой.

Партизаны не стали ввязываться в бой и отошли из города на свою базу. На пути колонны противника, стремительнодвигающейся к Дятькову, партизаны Бежицкого Объединенного отряда организовали ряд засад и минировали многие участки большака Брянск - Дятьково, идущего через Чайковичи и Дарковичи. От своей разведки партизаны знали о начале движения колонны, которая шла на прикрытие прорванного фронта в районе Людиного - Киров. Колонну противника наши роты неоднократно останавливали и навязывали ей бой. Основные потери противник нес на партизанских минах. За день было уничтожено четыре танка, двадцать шесть автомашин противника и значительное количество солдат противника. Наши потери были - один убитый и четверо легко раненых, которые после оказания им помощи из боя не выходили. При этом было захвачено четыре парабеллума, двенадцать автоматов, три пулемета, два миномета и тридцать семь винтовок противника, а также другое имущество, особенно такое нужное, как перевязочный материал и медикаменты. Однако, эта группа немецких войск прорвалась через минные поля партизан и четырнадцатого января в пятнадцать часов заняла Дятьково, а 15 января заняла город Людиново.

Так, тринадцатого января я, Маевский Володя, Титов Толя и Сойкин на лыжах пошли к Любохонсоку большаку, который шел на Дятьково. Дорога была хорошо наезжена. Мы поставили шесть мин в шахматном порядке. Утром четырнадцатого января в отряде услышали два сильных взрыва в стороне большака. Мы быстро собрались и пошли к большаку. Не доходя до дороги, из-за деревьев мы увидели стоящих два танка, которые подорвались на минах. Через некоторое время подошла основная часть колонны, которая остановилась метров за сто до танков. Немцы осторожно подходили к танкам, обошли их, осмотрелись. Потом другими танками оттащили их с дороги и продолжали движение, но через несколько минут взорвались еще две автомашины в двадцати-тридцати метрах от того места, где подорвались танки. Немцы открыли стрельбу в сторону леса, которая продолжалась минут пять, но в лес не пошли. Потом эту колонну наши партизаны неоднократно обстреливали, и она теряла машины и солдат.

Ночью четырнадцатого января командир Объединенного штаба Яковлев, старший лейтенант Орлов и взвод разведки 323 дивизии на подводах отправились в Людиново. В Людинове они встретились с командующим десятой армии, который принял от них доклад о проделанной работе и приказал майору Яковлеву принять полк в армии, а старшему лейтенанту Орлову возвратиться в тыл врага и передать приказ воинским партизанским отрядам и отрядам из местного населения - препятствовать перевозкам и передвижению противника по дорогам в сторону фронта. Все отряды воинские подчиняются Орлову.

При несостоявшемся бое с карателями двадцать пятого декабря в Липове был брошен пулемет ротой Дурнева. Дурнева не покидала мысль вернуть этот пулемет. Операция состоялась в начале января 1942 года. Операция была разработана до мельчайших деталей, поэтому прошла успешно, и проведена была всего несколькими партизанами. Еще ночью группа партизан во главе с командиром роты Дурневым на четырех подводах выехала в Сельцо.

Трех лошадей оставили в лесу около Сельца. Дурнев, Скрементов и Маевский на санях поехали к полицейскому управлению. Остальные заняли определенные участки на случай боя. Подъехав к полиции, Дурнев и Скрементов вошли в полицейский участок, а Маевский остался при лошади. В помещении полиции находились четыре полицейских и немецкий солдат, в другой комнате сидел начальник полиции. Дурнев направился к нему и на вопрос начальника ответил:

- "Я из полиции Дорожова, привез вам список окруженцев".

- "Давай сюда". Дурнев полез в боковой карман пальто, вынул пистолет и двумя выстрелами убил начальника. В это время очередью из немецкого автомата Скрементов расстрелял полицая. Немецкий солдат схватился за винтовку, но был убит Дурневым. Был забран свой станковый пулемет, оружие полицая, восемь тысяч рублей советскими деньгами и три тысячи немецкими оккупационными марками, а также документы, находившиеся в полиции. Спокойно сели на сани и поехали к станции. Там уже оставшиеся партизаны готовили к взрыву стрелки железнодорожных путей. Операция прошла без потерь. Так был выречен оставленный свой пулемет. Однако, находившийся в полиции начальник оказался

только второстепенным лицом. Начальник полиции в это время был дома и, услышав выстрелы, бежал из дома и скрылся.

Примерно 17-18 января была послана наша группа к частям Красной армии. В первую группу вошли Иван Минаев, Антонов Н., Ирина Кричинович, Иванова Лариса, которые на своем пути встретились с партизанами из Бытошского отряда, который уже был за линией фронта, но по указанию командования Западным фронтом вернулся вновь на оккупированную территорию. Они сообщили нашим посланцам, что Людиново вновь взяли немецкие войска, и им нужно идти в Киров. С их проводником отправились в Киров, где встретились с частями Красной армии и были доставлены в штаб десятой армии.

После доклада в штабе десятой армии возвратились в отряд с массой нужной нам литературы, особенно газет. В дальнейшем наши посыльные регулярно доставляли в штаб десятой и шестнадцатой армии Западного фронта данные о немецкой армии, а также мы переправили своих раненых в госпитали и постоянно доставляли пленных. Так, были отправлены санным путем через Кировский коридор командир Городищенского отряда Мирошкин, Сазонов Костя, Глотов Николай и другие. Глотов получил ранение обеих ног при изучении трофейного оружия. Группе партизан, только что вступившей в отряд и не имеющей опыта обращения с трофейным оружием, один их офицеров Красной армии, попавший в отряд из окружения, объяснял устройство и использование немецкого автомата. Все по очереди собирали и разбирали этот автомат. Потом был объявлен перерыв. Автомат остался на столе. Один из новеньких, молодой мальчик, взял автомат, нажал на спуск и автомат начал стрелять. При этом были ранены в ноги три партизана: Глотов Н.Н., которому прострелили две голени, второй также был ранен в голень и третьему прострелили бедро. Все трое были с поражением костей. На третий раз, зная о безопасности перехода линии фронта, отправился комиссар Объединенного нашего отряда А.Н. Рыжков, который встретился с командованием десятой армии и по его просьбе командование разрешило отправить всех военнослужащих, находившихся в нашем отряде. Их было у нас более тысячи человек. Были сформированы два отряда, которые один за другим были отправлены за линию фронта в части Красной армии, за исключением нескольких человек, в том числе капитана Маркова, который был оставлен как начальник штаба Объединенного отряда. С этими группами были отправлены все медицинские работники, которые попали в окружение и находились в нашем партизанском отряде, что ослабило нашу медчасть. В отряд прибывали представители командования десятой, шестнадцатой армии и штаба Западного фронта, а также представители из Орловского обкома партии и органов госбезопасности Борцов И.И., Суровягин В.И., Недосекин И.Е. Месропов А. и другие. Представители командования провели совещание с командирами отрядов.

В конце января 1942 года в партизанскую зону прибыли представители десятой армии Чазов и Зиненков, которые провели совещание с командирами партизанских отрядов. Был создан штаб Объединенного командования партизанскими отрядами из военнослужащих и частично из местных отрядов. Однако командование нашего отряда не согласилось присоединиться к общему командованию, несмотря на указания представителей десятой и шестнадцатой армии.

В начале января 1942 года погиб комиссар роты Александр Пузачев. Любимец бойцов, смелый, волевой и решительный комиссар роты. Политически подготовленный, грамотный в военном отношении, коммунист, бывший студент-вечерник Бежицкого машиностроительного института. Гибель его была большой потерей для отряда, так же, как и гибель Лунина Ивана Борисовича. В это же время в отряд пришел Сергеечев Михаил Васильевич, который оставался в городе по заданию. Сергеечев закончил курсы по минному и диверсионному делу в Орле и Белых Берегах. Неоднократно с группой партизан выходил на диверсии в тыл противника до оккупации Брянска. Организовал в Бежице мастерскую по изготовлению мин и проводил диверсии. Когда убедился, что за ним началось наблюдение противника, взорвал свою мастерскую и ушел в лес. С ним в тоже время пришел Василий Васильевич Иванов, коммунист с 1919 года, который с Сергеечевым проводил диверсии в городе.

В январе 1942 года в землянке роты Дурнева провели собрание комсомольцев, на котором был избран подпольный городской комитет комсомола, в который вошли Щербаков Георгий,

Коршунов Анатолий, Полякова Полина, Симонов Владимир, Корявченков Василий, Зинов Николай, Родин Руфим, Измайлов Александр. Секретарями подпольного комитета комсомола были избраны Василий Дурнев, Владимир Симонов, Георгий Щербаков, Николай Зинов. Создание подпольного комитета комсомола активизировало работу комсомола среди молодежи населения, а также боевую деятельность. В населенных пунктах были созданы комсомольские ячейки, которые проводили как работу среди населения, так и боевую работу. Комсомольцы населенных пунктов явились основой местной самообороны, проводили разведку, были активными организаторами и участниками агентурной разведки.

Десятого февраля в Ивот прибыли из-за линии фронта, посланные орловским обкомом ВКПБ секретарь Дятьковского райкома партии и председатель райисполкома Туркин и Дымников с заданием организовать в тылу у немцев советский освобожденный район. К тому же, в это время Дятьковский район был в основном освобожден партизанами, а также частично районы Жуковский, Брянский сельский, Дубровский, Рогнединский и Жиздринский. Оставался только в центре занятый город Дятьково. Четырнадцатого февраля партизанские отряды вступили в город Дятьково. Шестнадцатого февраля бюро Дятьковского райкома ВКПБ приняло решение о восстановлении в районе советской власти. В постановлении говорилось: "В соответствии с указанием командования Красной армии и, учитывая наличие в районе активно действующих партизанских отрядов, восстановить по всему району советскую власть. Считать главной задачей всех партийных и советских организаций района оказание повседневной помощи частям Красной армии и партизанским отрядам в освобождении территории от оккупации фашистскими войсками". Одновременно бюро утвердило обращение районного Совета депутатов трудящихся и райкома ВКПБ ко всем трудящимся района в связи с восстановлением советской власти. В этом обращении говорилось об успехах Красной армии на фронтах, о начале разгрома фашистской армии, зверствах фашистов на территории Дятьковского и соседних районов, о партизанах Дятьковского района, отдавших жизнь в боях с оккупантами. Воззвание призывало к бдительности и предостерегало от самоуспокоенности, что враг еще силен, но он неизбежно будет разбит. Дальше шел такой текст: "Четырнадцатого февраля 1942 года части Красной армии и партизаны установили в городе Дятьково и Дятьковском районе Советскую власть". В районе восстановились сельские и поселковые советы. В городе начали функционировать городской совет, предприятия и учреждения, обеспечивавшие бытовые и потребительские нужды населения: хлебозавод, пошивочные и сапожные мастерские, комитет заготовок. Проводили организованное распределение продуктов. Колхозники начали подготовку к весенней посевной компании. Была восстановлена городская типография, и начала выходить газета "Фокинский рабочий", потом переименованная в "Партизанскую правду". Каждому партизанскому отряду был отведен определенный участок обороны и хозяйственной деятельности. В городе была восстановлена медицинская помощь, которую возглавил опытный хирург Онохин.

В районной больнице был открыт партизанский госпиталь, где проводили лечение тяжелораненым. Легкораненые лечились при медчастях отрядов.

В это время в конце января 1942 года я встретил в одном из населенных пунктов около Ивота двух своих сокурсников, с которыми учился в Смоленском медицинском институте: Николая Мышелова и Иосифа Айбиндерова. Мы их взяли свой отряд.

Через несколько дней после освобождения Дятькова я приехал в город, где в больнице впервые познакомился с Сергеем Михайловичем Онохиным. Это был очень обаятельный человек и хороший хирург. При первой нашей встрече мы проговорили всю ночь. Потом мне часто приходилось с ним встречаться не только во время войны, но и после войны, когда он был главным врачом Дятьковской больницы и ведущим хирургом этой же больницы.

С освобождением Дятьковской зоны в этом районе действовали четыре крупных группы партизанских отрядов: на севере района - Бытошский и Людиновский, на юге - Объединенный Бежицкий партизанский отряд (он тогда назывался Орджоникидзеградский), на западе - Жуковский объединенный отряд и на северо-западе - отряды Корбута и Рогнединский. В центре района - Дятьковский объединенный отряд и отряды из военнослужащих. Однако, нужно отметить, что согласованных действий в отрядах не было. Каждый отряд стремился

поддерживать связь с Красной армией самостоятельно, а также проводить боевые действия, что отражалось на успехах боевой деятельности и помощи Красной армии. Дятьковский райком партии не сумел объединить действия партизан. Этот недостаток был устранен позднее с участием работников Орловского обкома партии и штаба партизанского движения.

Немецкое командование было обеспокоено захватом партизанами обширного района в ближайшем прифронтовом тылу своих войск. В случае прорыва фронта войсками Красной армии на участке Людиново - Жиздра, вся территория пригородов Брянска с севера была уже освобождена партизанами. Дороги, идущие из Брянска и Рославля к фронту, были закрыты партизанами, что удлиняло пути снабжения немецких войск, находившихся на переднем крае, немецкое командование временами пыталось очистить район дорог, но партизаны отбивали их попытки восстановить движение.

После создания советского района возросла активность всех партизанских отрядов. В январе бойцы из роты Денисова, Рудакова, Журавлева с минометчиками из окружения Терешиним Михаилом, Шевляковым Кузьмой, Лебецким Михаилом восстановили три полковых миномета, которые использовали для обстрела станций и аэродрома противника. По данным разведки было установлено, что на Бордовицком аэродроме, который до войны был аэродромом Бежицкого аэроклуба, базируются немецкие самолеты. Было уточнено месторасположение самолетов и склада горючего. Ночью Денисов выехал с минометами к аэродрому и обстрелял его из трех минометов. Налет превзошел все ожидания, первым залпом был накрыт склад горючего, вторым - склад боеприпасов и третьим - стоявшие там самолеты. После такого налета немцы уже не использовали этот аэродром. Затем подвергли обстрелу станцию Сельцо, где всегда было достаточно эшелонов противника, так как оставлять эшелоны на станции Орджоникидзеград было опасно: боялись налета нашей авиации. Ночью Денисов поставил свои минометы и дал залп по станции. При обстреле были разрушены вокзал, водокачка, полотно железной дороги, поражено два эшелона противника с боеприпасами. Немцы открыли огонь из пулеметов и орудий по месту предполагаемого расположения минометов, но минометы быстро были погружены на сани, и быстрые лошади уже мчались в лес до начала обстрела места немцами.

В день восьмого марта Шпандырев со своей ротой выехал в село Хотылево, где его агентами и разведкой была организована группа подпольщиков, которая сообщила, что на мельнице подготовлена мука для отправки немцам и полиции. Шпандырев забрал муку, часть ее раздал жителям, бывший завхоз техникума Пично Владимир Иванович, входящий в группу, передал партизанам триста простыней для масхалатов, восемь тысяч рублей денег на танковую колонну, при этом, у предателя мельника был произведен обыск и обнаружено большое количество награбленного полицией имущества советских людей, которое привозили ему полицаи. Предатель был ликвидирован. Провели собрание, посвященное дню восьмое марта, розданы населению газеты и сводки Совинформбюро.

В деревню Крючки недалеко от железной дороги периодически наведывались немцы и забирали у населения кур, сало, свиней. Самооборона этой деревни попросила отряд помочь им избавиться от грабителей. Двадцать первого февраля выделенные группы партизан из рот Шпандырева, Журавлева, Дурнева под руководством командира отряда Виноградова устроили засаду. При подходе немцев к деревне грабителей встретили за километр от деревни и уничтожили. При этом было взято восемь подвод и захвачено три пленных, остальные были уничтожены. Пленных, которые оказались офицерами, назавтра отправили в распоряжение 330 стрелковой дивизии десятой армии Западного фронта.

В конце марта 1942 года в наш район пришли партизанские отряды брянских партизан Дука и Ромашина, которые расположились в поселке Любохна, в деревнях Первомайский, Семеновка и Васильевка. Эти отряды пришли после боев с карательными отрядами в навленских лесах.

В феврале 1942 года для разведки в Брянск была направлена группа из трех человек, которая неоднократно ходила в Брянск. Группа состояла из Ирины Кричинович, Виктора Грибачева и Алексея Рыгайло. Кричинович неоднократно посещала Брянск и Бежицу. Постоянная их остановка была в доме лесника Журавкова в Крыловского-Радицком лесу недалеко от нашего первого лагеря. На этот раз подошли к дому лесника. На условный стук

дверь внезапно открылась, и трое партизан были схвачены немцами. Грибачева и Рыгайло тут же расстреляли. Кричинович повезли в Брянск. Дом лесника сожгли вместе с семьей. Кричинович допрашивали в гестапо, но она отвечала, что она ищет свою сестру и идет в Брянск, что по дороге встретила двоих вооруженных парней, которые пошли с ней. Она их видит в первый раз. Однако такой легенде мало верили. Через месяц ей удалось бежать из камеры заключения, и она вновь прибыла в отряд. После, летом 1942 года она была направлена с двумя разведчицами Верой Жаркеевой и Шурой Ивлевой в разведгруппу Красной армии. Кричинович была прирожденная и талантливая разведчица, стройная и обаятельная, легко завоевывала доверие, что помогало ей проникать к противнику. Доставляемые ею сведения были всегда полны и имели большую ценность.

В марте 1942 года Тресиков Алексей Андреевич был послан сопровождать группу разведчиков Красной армии, переброшенных через линию фронта, и направляющуюся в Брасовский район. На своем пути Тресиков встретил остатки отряды Радицко-Крыловского, который еще осенью 1941 года был разбит карательным отрядом. В этой группе оставались Духанин И.П., Петров Е.И., Маркелов В.М., Чебриков К.С. и Белов В.Ф., которые не знали расположения нашего отряда, и проводили мелкие диверсии на большаке. Иван Духанин провел всю группу Тресикова за Карачевское шоссе, а сам вернулся в свою землянку, забрал оставшихся там и привел их в лагерь Круглого озера.

В конце февраля старший лейтенант Орлов, командир объединенного штаба партизан, был призван в штаб Западного фронта, где под его командование были переданы отряды Особого назначения, которые неоднократно переходили линию фронта и проводили операции в тылу немецких войск. Ввиду наступившей весенней распутицы переход линии фронта задержался, и только в начале апреля отряды Особого назначения прибыли в освобожденный Дятьковский район. Впоследствии эти отряды сыграли главную в боевой деятельности и организации мощного партизанского соединения в Дятьковском районе. Общая численность пришедших отрядов Особого назначения более трехсот человек. При этом капитану Орлову было приказано принять под свое командование все отряды из военнослужащих, а также местные партизанские отряды, создать оперативный центр по руководству партизанским движением в этом районе. С отрядами Особого назначения в наш отряд был направлен радист Константин Павлович Савенков, который находился у нас до соединения с Красной армией. В конце марта к нам пришел из-за линии фронта с одной из наших групп радист Веницкий, который в феврале был направлен за линию фронта со всеми окруженцами. Теперь он возвратился для проведения разведки и был направлен в Клетнянские леса к партизанам. В Клетнянские леса с ним ушли из нашего отряда Белов В., Сидоров Г., Семин Д., Ларин Л., Рогожин М.

В конце февраля меня вызвали в штаб отряда. Начальник штаба Марков И.Д. спросил меня, могу ли я пользоваться на местности компасом и картой. Я ответил положительно.

Изучая военное дело в институте, я освоил это хорошо. Тогда Марков предложил мне с небольшой группой дойти до отряда Берндта и Пуклина, которые располагались в Умельском лесу. В этих отрядах было несколько раненых, а из медработников была только медсестра Копченкова. Я согласился и мне приказали подобрать хороших лыжников. Я взял Рогожина и еще одного бойца. Выбрали хорошие лыжи и вечером отправились. Ночь была темная, шел снег и мела пурга. Лес прошли по знакомым дорогам, по которым проходили не раз. Перешли через Болву и по компасу и карте продолжили свой путь.

При отправлении Марков нас предупредил, что в Пупкове могут быть немцы, а могут быть и партизаны Берндта. К утру снег перестал идти, и пурга успокоилась. Утро было тихое и морозное. Лыжи скользили по свежему снегу хорошо. На восходе солнца мы подходили к Пупкову. Топились печи, и дым столбом поднимался вверх. Миша Рогожин сказал:

- "Смотри, как дым поднимается, к погоде". Нам с горы перед деревней было видно все, что происходит в деревне. По-видимому, нас заметили, и в деревне началось активное движение, а потом все прекратилось. Шли мы в масхалагах и нас могли принять за немецких разведчиков. Мы увидели, как на другом конце деревни выехали сани и быстро понеслись в сторону леса и скрылись в лесу. Вошли в деревню - людей не видно. Зашли во второй дом с Рогожиным Михаилом, оставили на улице третьего - следить за улицей. В доме топилась печь. Хозяин

сидел за столом. На наше "Здравствуйте" ответил очень сухо. На наш вопрос, есть ли в деревне немцы, хозяин ответил: "Не знаю". "Есть ли партизаны?" - ответ был:

- "О таких не слыхал никогда".
- "А кто выехал из деревни, когда мы подходили?"
- "Откуда я знаю. Мало ли, кто ездит".

Хозяин поднялся и хотел выйти из хаты, но мы его предупредили и приказали не выходить. На улице мы посоветовались и решили, что партизаны ночевали в деревне и при нашем приближении были предупреждены и выехали в лес. Решили выйти на их дороги и двигаться по дороге к лесу, а там партизанские посты задержат нас. Мы не знали расположения партизанского лагеря. Мы в обход деревни вышли на дорогу, так как думали, что партизаны или самооборона могут нас принять за немцев и перестрелять. При этом и у меня, и у другого парня были немецкие автоматы. Направляясь по дороге на лыжах к лесу, мы следили за лесом перед нами. Не доходя метров пятидесяти до леса, услышали команду:

- "Стой! Ложись или стрелять будем!" - делать нечего, мы легли в снег.

- "Бросай оружие!" - мы отбросили свое оружие в сторону. Из леса выбежали несколько человек. При приближении к нам бегущих в первом я узнал Берндта. Хотел подняться и слышу грозный крик:

- "Лежать! Стрелять будем!" Лежим, и когда уже подбежали вплотную, только тогда они признали нас. Обнялись с Берндтом. Он нас выругал за то, что мы лезем черт знает куда, и они нас приняли за немецкую разведку. Однако, усадил в сани, и кони помчали к лагерю. По пути заехали в дом лесника - стража, глаза и уши партизан, где обогрелись и поехали к землянкам. Первым делом я выложу все, что мне было приказано передать, потом осмотрел раненых, но они уже поправлялись. Мы рано улеглись спать, так как устали за ночь и переход. Утром с командиром роты Берндтом на трех подводах выехали в роту Пуклина, которая находилась за пять километров от роты Берндта. День на редкость был хорош. Ясный, лучи солнца, как стрелы проникали между деревьями, создавая картину чудесных стрел, падающих с высоты. Снег искрился мириадами звезд. Пичуги радостно свистели на деревьях. Тишина была оглушительная. Лошади весело и легко бежали. Подъехали к лагерю Пуклину, у которого нас остановил пост. Землянка роты была сооружена на высоком холме, поросшем крупными деревьями разных пород, недалеко от отрыва, спускающегося к Болве. Землянка была просторная, светлая, сухая и теплая. Пуклин нас встретил, стоя на четвереньках на полу, а Женя Ривенко примеряла на нем крой из овчины, так как шила ему меховую безрукавку. После примерки и пустячных разговоров я передал ему все указания от штаба отряда. Осмотрел раненых, которых было несколько человек, и все легко раненые. Объяснил Ревенку, что делать дальше с ними. Перевязочного материала у нее было достаточно, даже были кое-какие медикаменты, такие, как стрептоцид, риваноль. К вечеру мы возвратились в землянку Берндта. Назавтра рано утром мы на двух подводах выехали на основную базу к Круглому озеру. Теперь путь наш был короче и прямее, мы ехали через Дятьково, так как там уже находились и Дятьковский отряд, и воинские отряды.

Ехали мы прямо по большаку, идущему на Жиздру. Дорога была хорошо накатана, и день оставался ясным и тихим, хотя морозным. Не доезжая до Дятысова километров десяти, нас остановил пост партизан. После уточнения, кто мы такие, нас отпустили. В середине дня приехали в Дятьково. В городе было многолюдно, всюду были партизаны, жители шли по своим делам или рассматривали группы партизан. На школе был большой красный флаг, такие же флаги были на многих домах. Было заметно, что в городе идет деловая жизнь. Во время проезда через город нас несколько раз останавливали патрули, но быстро отпускали. К вечеру через освобожденные деревни мы прибыли в свой лагерь. Проезжая эти деревни, можно было заметить, что деревня жива: сновал народ, во всех направлениях чем-то занимались, слышно было мычание коров, бляние овец, дети весело занимались своими детскими забавами. В каждой деревне нас останавливали патрули самообороны или партизан, но здесь были уже свои.

Прошло несколько дней и комиссар отряда Рыжков П.А., в то время он уже занял все посты и единолично выполнял функции комиссара Объединенного отряда, секретаря партбюро, секретаря подпольного горкома ВКПБ, выехал в Улемьский лес провести

партийное собрание группы отрядов Улемльской базы. В то время у нас находилось несколько рот основного Объединенного отряда: рота Пуклина, рота Берндта, рота из военнослужащих лейтенанта Смертина и рота Коршунова М.П. Эта группа с остатками Любохонского отряда, которые присоединились к роте Берндта, весьма активно действовали на Жиздринском большаке и в окружающих деревнях, которые ими были очищены от немецко-полицейских гарнизонов. Дороги, ведущие на Жиздру, были перерезаны партизанами, а редкие колонны немцев в споровождении танков передвигались в сторону Жиздры. Чтобы освободить свои коммуникации от партизан, противник начал карательную экспедицию против партизан. Первые операции карателям не принесли успеха, она была разбита, еще не вступая в лес. При этом - большую роль сыграли партизанские отряды из окруженцев.

Однако, первого марта со стороны Кленок каратели предварительно выбили из деревни группу самообороны и несколько партизан, которые находились в деревне. В бою погибли Маршалка Л.Н., Скотников А., Петрушин А.И., Бойцы самообороны прибыли в лагерь и сообщили о продвижении карателей. Роты приготовились встретить карателей. Каратели были встречены партизанами и скоротечном бою были разбиты с большими для них потерями. В этом бою мы имели небольшие потери, в основном ранеными. Были ранены Петров Иван Захарович, Овчинникова Зоя, Литина Анна. Третьего марта каратели уже более крупными силами окружили роты Берндта, Коршунова. Каратели оттеснили партизан от землянок и захватили их. В землянках захватили раненых, которых они уничтожили. Однако, партизаны выбили карателей из леса. Каратели с большими потерями отошли в деревню Любыщ, где были встречены самообороной. Каратели повернули от деревни, но были встречены партизанами воинских отрядов и полностью уничтожены. В этот день погибли раненые первого марта Петров И.З., Овчинникова З., Литина Анна, в бою погибли Догадаева М.И., Иваношин С.П., Сафронов С.Г., Захарова Е.Т. ранены командир взвода Г. Ильюхин, Соболев Г.Н., Лавренков В.Г. Необходимо отметить поведение комиссара отряда Рыжкова, которое очень удивило всех нас в то время, хотя мы знали уже тогда, что это трус и карьерист. Во время боя, когда каратели начали теснить роту Берндта, в бой ввязался Коршунов со своей ротой и отбил атаки немцев. Однако, каратели заняли новые позиции, перестроили свои силы и потеснили партизан. Когда Берндт, как старший группы, обратился за помощью, и отряд Пуклина собрался выступить, то Рыжков запретил вступать в бой, чем вызвал возмущение партизан роты Пуклина. Рыжков мотивировал свое запрещение тем, что нельзя демаскировать роту Пуклину. Если бы вступила в бой рота Пуклина, каратели были бы выбиты из леса намного раньше, потери были бы значительно меньше.

После этих боев роты, находившиеся в Улемльском лесу, были переведены на Круглое озеро. Теперь Объединенный Бежицкий отряд имел только две базы: основная на Круглом озере и вторая - у деревни Першино на Святом озере. Там находились вновь созданные отряды их местных партизан жителей, военнослужащих окруженцев, но костяком отрядов всегда являлись партизаны из истребительного батальона.

В начале февраля в роту И.С. Коренкова пришла группа комсомольцев, которая действовала в поселке Сельцо, Гольжье и других. Эти товарищи долгое время действовали в подполье, но были разоблачены фашистами. Чтобы сохранить их, они были взяты в отряд. Среди них находились лица, которые не умели обращаться с оружием.

На созданной второй базе у Святого озера разместились вновь созданные еще в начале января партизанские отряды:

1. Бордовический партизанский отряд - командир Брук Федор Наумович.
2. Домашевский партизанский отряд - командир Коренков И.С., политрук Родин Р.В.
3. Толвинский партизанский отряд - командир Журавлев Л.П., политрук - Ромашин.
4. Отряд из диверсантов четвертого отдела НКВД Орловской области и местных жителей, командир Морозов, затем Савельев Василий Тимофеевич, политрук Страхов, там же находился отряд Демочкина, который затем ушел к Клетнянские леса.

Поступавшее пополнение в эти отряды зачастую не умело обращаться с оружием. Чтобы ликвидировать этот их недостаток, постоянно проводили занятия по изучению оружия как отечественного, так и трофейного, которого было предостаточно. Вот в одно из таких занятий

с молодыми бойцами в роте Коренкова произошел несчастный случай, подобный случаю Шпандырева, когда был ранен Глотов и другие. Проводивший занятие объявил перерыв. Оружие, в том числе отечественные гранаты остались на столе, одна из них была со взрывателем. Один из занимающихся взял эту гранату, сдвинул предохранитель, и граната зашипела, он растерялся и сунул гранату под стол. За столом сидело несколько человек. Раздался взрыв, стол разлетелся, осколки гранаты впились в ноги сидящих. Однако все обошлось хорошо. Множественное осколочное ранение ног получила одна Аня Дурнева, тогда как несколько человек получили по одному - два ранения. Осколки засели неглубоко. Назавтра я пришел в их лагерь, удалил все осколки у раненых, но мелкие осколки остались, не было смысла проводить их поиски. Выздоровление наступило своевременно, и все они остались в строю. Такие несчастные случаи, связанные с неосторожным обращением с оружием, случались не раз. Так, командир взвода Ромашин Дмитрий Александрович из роты Денисова, вынимая пистолет ТТ из внутреннего кармана зимнего пальто, прострелил себе бок. Рана была поверхностная и ребра остались неповрежденными. Пистолет был заряжен и снят с предохранителя, о чем Ромашин забыл и, когда он вынимал из кармана пистолет, спусковой крючок зацепился за подкладку, что и привело к выстрелу.

Несмотря на активные боевые и диверсионные действия отрядов, потери были незначительные, раненых было мало и с образованием освобожденного района и центрального партизанского госпиталя в городе Дятьково все тяжелораненые направлялись в госпиталь. Так, восемнадцатого марта сборная группа из отряда Горбачева, Денисова, Пуклина и Коршунова проводила нападение на немецко-полицейский гарнизон в селе Хотылево. Бой сложился не в пользу партизан, что было связано с плохой подготовкой операции. Отсутствовали точные данные о силах и расположении противника, не было уточнено расположение огневых точек противника и вооружение противника. Сказалась неправильная расстановка сил атакующих и отсутствие согласованности в действиях атакующих. Противник оказал упорное сопротивление и перешел к контратакам. Однако, партизаны быстро вывели свои силы из боя, что спасло их от разгрома. Однако, потери партизан были ощутимые, хотя погиб один человек, это был политрук роты Горбачева В.Ф. Родичев, старый коммунист и хороший политрук. Так же был тяжело ранен командир роты М. Коршунов, который после ранения не вернулся в строй. При этом группа пошла на задание без медицинского сопровождения. Коршунов после первичной обработки раны в санчасти отряда немедленно был отправлен в партизанский госпиталь, где находился на лечении до конца апреля, а затем был переправлен на самолете в госпиталь на Большой земле.

В январе 1942 года была образована группа из нескольких рот для засады на Жиздринском большаке в районе Карачиже-Крыловского леса, где был наш первый лагерь. От рот Горбачева, Гудакова, Дурнева было выделено по взводу для проведения операции. Первыми выехали на одной подводе Гудаков, я и боец. >1 вошел в состав группы, как врач и как проводник, так как хорошо знал дорогу и расположение землянки Денисова, где мы должны были расположиться. Выехали первыми, чтобы проложить след и подготовить землянки для прихода группы. Выехали с наступлением еще не полной темноты, по когда подъезжали к Любохонскому большаку было уже темно. Ночь была темная, облака прикрывали звезды, а луна еще не всходила. Мороз был градусов 12-14. В санях у нас была железная печь, для нее трубы, небольшой запас сухих дров, мешок с продуктами. Из оружия - по винтовке. Лошадка неспешно бежала, помахивая головой. Мы лежали друг против друга и вели обычный разговор, а наш возница прислушивался. Подъехали к Любохонскому большаку. Чтобы его переехать, нужно было проехать по нему влево метров сто, так как на той стороне большака были очень частые заросли мелкого ельника. Когда наша лошадка свернула на дорогу, то метров через двадцать мы в темноте столкнулись с идущей навстречу нам подводой, послышалась немецкая речь. Возница и Гудаков соскочили быстро с саней и нырнули в этот ельник, а я пока разобрался, в чем дело, позже нырнул за ними. На шум треск в ельнике с той подводы открыли стрельбу из автоматов. Так как я с саней сошел последний, то я видел, как трассирующие линии шли выше ельника. В густом ельнике с меня свалилась шапка, и при падении зацепилась за куст винтовка, прихваченная мною, и выскользнула из рук. Пока я пробирался через ельник, стрельба прекратилась, и бег саней и голоса слышались в другой

стороне дороги, а потом полностью затихли. Я стоял за толстой сосной, уши у меня мерзли, позвал тихо Гудакова, но они не отзывались. Тогда решил подойти к месту нашего бегства и посмотреть, что же там. К этому времени взошла луна и стало светло. Тихо подошел к дороге, перешел ее и увидел нашу лошадь с санями, спокойно стоящей на дороге. На мой зов никто не отозвался. Подошел к саням, на них было все по-прежнему. Решил отыскать шапку, которую быстро нашел: она висела на суку, за который зацепилась, потом начал искать винтовку, которую нашел также быстро, засыпанную снегом. Так как я оставался один, то пошел искать Гудакова и возницу. Прошел в лес около метров пятисот, и на мой зов они отозвались. После моего рассказа все возвратились к саням, переехали на ту сторону дороги, проехали метров пятьсот-шестьсот, остановились и пошли на дорогу, по которой должны были подойти остальные из группы. Встретили мы их с Гудаковым за тысячу метров от дороги. На вопрос старшего группы Горбачева, что за стрельба была, мы рассказали все, но, кто это был, мы не знали, хотя речь слышалась немецкая. Оставшийся путь до землянки был без приключений. После ужина все улеглись спать за исключением постовых. С восходом солнца втроем мы отправились к большаку уточнить обстановку. Мы долго блуждали, идя на звук автомашин, пока не вышли к большаку. По большаку движение было очень интенсивное: шли колонны немецких солдат, машины, танки. Так они чередовались с небольшими промежутками. На большаке мы вели наблюдение часов пять. Возвратились уже к вечеру. После доклада и оценки обстановки движения на большаке решили, что нам вступать в бой опасно. Утром следующего дня вся группа отправилась на большак, но движения по большаку не было. Мы долго ходили, и около двух часов дня разведка доложила, что со стороны Брянска идут четыре автомашины. Заняли удобные позиции и приготовились к бою. Однако, бой не состоялся, так как на наш огонь ответа не последовало. В автомашинах были только водители-солдаты и два сопровождающих, всего шесть солдат. Грузом в машине оказались какие-то брезентовые палатки и мешки со старым обмундированием. Автомашины были сожжены. По возвращении в землянку было решено возвращаться на Круглое озеро, так как оставаться дальше в этом лесу не было смысла. Движение по большаку прекратилось, продукты у нас кончились, мороз стал меньше, поднимался ветер и пошел снег. В сумерках мы вышли из землянки и пошли в лагерь. После перехода реки Болвы нужно было перейти поле длиной около четырех километров. Ветер со снегом бил нам в лицо. Снег был глубокий, а мы шли без дороги. Все очень устали, и когда вошли в лес, то сделали привал минут на двадцать - двадцать пять, и только в полночь пришли в лагерь.

В конце января 1942 года партизаны, возвратившиеся из поселка Сельцо, сообщили мне, что в сельцо проживает профессор Смоленского медицинского института, но фамилию его партизаны не знали. Тогда я с разрешения командира отряда А.И. Виноградова с группой партизан выехал в Сельцо. Так как в поселке был в то время большой немецко-полицейский гарнизон, то мы остановились в лесу, который вплотную подходил к поселку. Чтобы меньше было заметно, двое партизан пошли к искомому профессору. Через час показались трое наших товарищей, с которыми шел профессор. Однако, оказалось, что бойцы его неправильно называли профессором, для них каждый был профессором, кто работал в институте. Это оказался ассистент кафедры гигиены Смоленского медицинского института Николай Невдубский, которого я хорошо знал. С его младшим братом Александром я учился и дружил. Они родом и жизнью из поселка Сельцо, где имели свой дом. Николай Невдубский был по здоровью освобожден от службы в армии и перед оккупацией Смоленска вернулся в Сельцо, где проживала их мать. Мы приехали в штаб отряда, я представил Невдубского командиру отряда Виноградова и комиссару, которые предложили ему остаться в отряде. Однако, он сказал, что он как гигиенист пользы мало принесет отряду, а как боец - еще меньше. Мы ему предложили, что можем переправить его на самолете за линию фронта. Он согласился, но сказал, что у него здесь остается мать. Тогда было предложено, что и его, и мать отправят за линию фронта в советский тыл. Через сутки Невдубский с нашими партизанами поехал в Сельцо, чтобы забрать мать. Однако, вернуться ему не пришлось. В его доме была сделана засада полицией. Его схватили сразу же, двое партизан, отстреливаясь, ушли. Начальник полиции этого поселка, предатель Макрицкий, в тот же день расстрелял Николая

Невдубского, его мать, комсомолку Варю Васюкову, брата и сестру Верхутиных и других, помогающим партизанам.

В феврале 1942 года мне пришлось участвовать в уничтожении моста на дороге Рославль-Брянск у Староселья. Перед этим несколько групп ходили взрывать мост, но задание не выполнили. По данным разведки этот мост охранялся недостаточно, так как противник, по-видимому, считал, что партизаны до него не доберутся. Мы решили попытать счастья. Собрались я, Маевский, Титов и Васюткин. Снарядили лыжи, взяли по восемь килограмм толу, на санях нас довели до деревни недалеко от железной дороги. При сборах для продолжения похода нам по техническим причинам пойти всем четверым не удалось, так как сломалась одна лыжа, а у других лопнули крепления. Остались в походном состоянии мои и Маевского. Мы взяли тол наших товарищей и пошли на выполнение задания. Ночь была лунная, ветер гнал снег-поземку, и мороз был небольшой. К дороге мы подошли спокойно, осторожно подошли к мосту, и на нашу радость на мосту охраны не было, хотя ДОТы были сооружены. Мы заложили взрывчатку, подожгли шнур и быстро скатились в ров, по которому отошли метров на триста. В это время раздался взрыв, и мы почувствовали удар волны, который чуть ли не свалил нас с ног. Через некоторое время со стороны деревни Староселье раздались очереди, и по направлению к нам понеслись нити трассирующих огней, но мы были для них недостижимы. К этому времени ветер усилился, и наш след занесло снегом. Потом меня остановил голос Маевского, он просил остановиться, так как у него лопнуло крепление. Кое-как починили крепление и пошли дальше. Мы шли по краю глубокого и широкого оврага. Когда я обернулся назад, то заметил, что Маевского нет за мной. Немного подождал, но он не подходил, пошел назад, но его не встретил, на мой зов тоже ответа не было. Я даже дал очередь из автомата, но ответа не последовало. Решил, что в темноте и идущем снеге мы разошлись. Я подумал, что Маевский дорогу знает, и что встретимся на краю леса. Так как уже начинало светать, то нужно было железную дорогу перейти затемно. Но дорогу я переходил уже при утреннем свете, а до леса оставалось около двух-трех километров. Нужно было спешить. Когда я дошел до края леса, то остановился и ждал Маевского около двух-трех часов. Так как его не было, то решил возвращаться в лагерь. В лагерь Маевский еще не пришел. Назавтра утром поехали его искать. Подъезжая к Буде, заметили направляющуюся к нас подводку. Оказалось, это Маевский. Как он потом рассказал, у него вновь оборвалось крепление, он остановился, что связать концы, но мне не сообщил, так как надеялся быстро закончить и догнать меня, но связывать пришлось долго, время было упущено, я ушел далеко, а мой след занесло снегом. Он взял немного влево и, когда перешел железную дорогу, то было светло, ему пришлось остановиться в одном хуторе, где он провел день и ночь, а назавтра ему дали лошадь, и он отправился в лагерь. По дороге мы и встретились.

В марте 1942 года в отряд пришел Павел Алексеевич Корявченков, брат которого Василий был политруком молодежной роты Дурнева. П.А. Корявченков до прихода в отряд находился в деревне Дубровка с сентября 1941 года со своей семьей. Этот очень хитрый человек, способный на всякую подлость, быстро втерся в доверие к П.А. Рыжкову и стал одним из приближенных его людей. С первых дней был назначен старшим минного дела, хотя были люди намного опытнее и авторитетнее его.

Для мин у нас кончились детонаторы, но из этого положения вышли так: начали изготавливать их сами. Техника очень проста. К этому изготовлению был привлечен и я. Моя задача заключалась в том, что я пилкой открывал ампулу с кофеином или другим каким-либо раствором и шприцом "Рекорд" в эту ампулу вводил 1-1,5 миллилитра соляной кислоты и вновь запаявал на спиртовке. В палец от резиновой хирургической перчатки сыпали чайную ложку бертолетовой соли и клали туда же ампулу с соляной кислотой. Это сооружение клали в выдолбленную канавку в толовой шашке, которую клали на мину. При раздавливании ампулы, происходила взрывная реакция, и от детонации взрывалась мина. Такие простые детонаторы мы делали до тех пор, пока необходимые детонаторы не стали поступать к нас постоянно из-за линии фронта. Нужно сказать, что такие детонаторы срабатывали безотказно, на таких детонаторах были подорваны два танка на большаке Дарковичи - Любохна, много автомашин и подвод противника.

С освобождением Дятькова две наших роты по приказу Штаба Дятьковского партизанского оперативного центра были переведены в Дятьково и заняли оборону на окраине города на дороге, идущей на Брянск. На улице, переходящей в эту дорогу, разместились роты Денисова и Гудакова. Мне часто приходилось бывать в это время в Дятькове по госпитальным делам, и я всегда останавливался в домах, где были расквартированы наши роты, или в доме Лизы Ледневой, которая была в нашем отряде медсестрой. У нее же ждал отправки в тыл Михаил Коршунов после ранения.

В марте авиация противника днем производила налеты и бомбежку Дятькова, но бомбометание было мало эффективно, так как партизаны вели огонь по самолетам противника, что спасало от массированных налетов. При бомбежках больше страдали мирные жители и их дома. С половины апреля восстановилась хорошая погода, часть сил отряда и всего соединения была брошена в помощь населению для проведения посевной кампании. Роты нашего Объединенного отряда разместились по деревням. Так, штаб отряда разместился в небольшой деревне Головашки, рота Пуклина заняла Семеновку, рота Дурнева расквартировалась в ряде деревень, в том числе в деревне Корчминки. партизаны помогали проводить сев. Так, Сойкин и другие соревновались на пахоте, при этом победа осталась за Сойкиным.

Несмотря на хозяйственные работы, отряд не ослаблял боевой деятельности. Диверсионные группы постоянно проводили диверсии на железных и шоссейных, грунтовых дорогах, устраивали засады и нападали на гарнизоны противника. В конце апреля в одной из засад погиб политрук Руфим Родин. Руфим находился в отряде еще с истребительного батальона. До войны он работал на заводе и учился на вечернем факультете машиностроительного института. В истребительный батальон был направлен горкомом комсомола, а затем - в партизанский отряд. Спокойный по характеру, выдержанный, способный оценивать все возможности любой обстановке и принимать нужные решения. Командиры и бойцы его уважали и любили за хладнокровность в бою и справедливое отношение к подчиненным. С двумя взводами своей роты Руфим вышел на Жиздринский большак для засады. Но продвигаясь по большаку, сами попали в засаду. Руфим шел впереди и был тяжело ранен в живот. Отряд залег, а Руфим остался лежать на дороге. В их отряде с ними была медсестра Люба Орлова, которая видя, что их командир остался один на дороге раненый, подняла в атаку партизан, которые стремительной атакой уничтожили немецко-полицейскую засаду. Любы вынесла из боя Руфима, который был отправлен в партизанский госпиталь. Была проведена операция и переливание крови, но ранение было тяжелое с поражением кишечника и печени. Наши старания были мало эффективны, через сутки Руфима не стало. Он был похоронен на партизанском кладбище в Дятькове.

С образованием освобожденного партизанского района и подготовкой посадочных площадок, регулярно по ночам прилетали самолеты, на которых доставлялись боеприпасы, взрывчатка, медикаменты и отправлялись в советский тыл раненые. Была присвоена нам полевая почта, и мы регулярно получали письма от родных и близких, находившихся на Большой земле или в советской армии.

Апрель 1942 года наш отряд закончил проведением "Рельсовой" войны. Двадцать пятого апреля состоялось партийно-комсомольское открытое собрание, посвященное дню Первого Мая, на котором было принято решение о проведении "Рельсовой" войны. После подготовки двадцать восьмого апреля все силы отряда были направлены на участок железной дороги между станцией Чернетово и Ржавица, расстояние между которыми составляет двенадцать километров. В этой операции участвовали и местные жители. Партизаны быстро перебили малочисленную охрану, разбирали рельсы, жители эти рельсы выносили в лес и бросали в болото. Часть рельсов, а также насыпь были разрушены взрывами, и насыпь была раскопана лотами. В течение полутора часов был уничтожен участок железной дороги с двумя небольшими мостами и водосточными трубами. На станции Чернетово были уничтожены стрелки и станционное хозяйство. Активная помощь населения в этой операции поднимала боевой дух партизан и местных жителей.

Однако, такая дерзость партизан не была оставлена оккупантами без внимания. Второго мая каратели предприняли экспедицию против отрядов, расположенных вблизи железной дороги.

В это время рота Дурнева занимала деревню Корчминка, в которой встречали день Первого Мая. Накануне праздника женщины сшили из красной материи флаги, которые были вывешены на многих домах и в колхозном правлении. Первого Мая утром собрались все жители деревни и партизаны и митинг, который прошел в торжественной обстановке. С докладом выступил политрук Василий Корявченков, потом начались танцы. "Этот день был проведен как до войны" - говорили многие жители. Второго мая выставленные посты у железной дороги доложили о выходе со станции Сельцо по направлению к Корчминке отряда карателей численностью около ста человек, вооруженных стрелковым оружием. Отряд партизан занял подготовленные позиции и приготовился встретить карателей. Позиции партизан были расположены на высоте, которая господствовала над открытым чистым полем, по которому должен был продвигаться противник. Выйдя из леса, каратели развернулись в цепь и пошли на позиции партизан. По флангам партизанской обороны было два пулемета с расчетами Маевского и Титова. В центре был поставлен станковый пулемет. Позади линии обороны партизан расположились четыре ротных миномета. Карателей подпустили так близко, что были хорошо видны их лица и складки одежды. Каратели видели позиции, занимаемые партизанами, шли на них, стреляя из автоматов, но их огонь не приносил нам вреда. По подошедшим врагам партизаны открыли огонь из всего имеющегося у нас оружия. Противник в беспорядке начал убежать, но тут их накрыл огонь минометов Зинова. Оставшаяся в живых часть карателей залегла, так как продвигаться им было нельзя. В бою активное участие принимала местная самооборона. Постепенно каратели ползком отошли к лесу и, оставив своих убитых и раненых, ушли на станцию Сельцо, откуда пришли. Ошибка партизан в этом бою заключалась в том, что разбитый и деморализованный противник не преследовался партизанами, хотя все преимущества были на стороне партизан. Эта неактивность привела к тому, что назавтра пришел более многочисленный отряд карателей, и партизанам пришлось оставить деревню. К тому же, рота Дурнева была в неполном составе, так как часть роты находилась на охране штаба Объединенного отряда, и несколько групп выполняли диверсионные задания на железных дорогах и большаках. Третьего мая в восемь часов утра начался артиллерийский обстрел деревни со станции Сельцо, где находился бронепоезд. Однако артиллерийский огонь противника не наносил вреда деревне. Снаряды ложились в лесу и на поле за 1000-15000 метров от деревни. Партизаны заняли оборону. Посты донесли, что вновь со станции Сельцо вышел более крупный отряд противника. Противник, развернувшись, начал наступление на оборону партизан в обход деревни с флангов. Силы противника превышали роту Дурнева раз в десять. Было решено подпустить противника на выстрел, дать по нему огонь и отойти. В затяжной бой не вступать. Жители из деревни были эвакуированы в лес. Противник был встречен огнем партизан, но так как он подходил с флангов, партизаны начали отходить. Отход партизан прикрывался пулеметом Маевского. Для отхода у партизан были отходные пути, по оврагу к лесу. Артиллерия противника била по деревне, где не было ни жителей, ни партизан. Снаряды разносили дома, некоторые их уже загорелись. Каратели долго не поднимались, чтобы войти в деревню. Когда убедились, что перед ними нет партизан, с осторожностью вошли в деревню, а когда уже смело ходили по деревне, вылавливая оставшихся кур, Николай Зинов открыл из минометов огонь по деревне, что вызвало среди немцев замешательство. Мы отходили последними с прикрывающей группой Маевского. Когда я попытался достать из колодца воды пилоткой, меня из кобуры в колодец выпал пистолет парабеллум. Однако, мне удалось спуститься в колодец и достать его, так как жалко было оставлять его в колодце. За два дня боя у нас потерь не было, за исключением легкого ранения, которое получил Володя Новиков - второй номер пулеметчика Маевского. Новиков был ранен поверхностно, пуля рассекла только кожу перед ушной раковиной и пробила мочку ушной раковины. Так как мою санитарную сумку унесла при отходе медсестра, а меня был только порошок хлорамина в пробирке, то свежую рану я припудрил хлорамином и наложил повязку. Затем образовался хороший сухой струп, и под струпом прошло заживление. Каратели нас не преследовали, хотя видели нашу

малочисленную группу, вступающую в лес. Может быть, это было вызвано тем, что в это время у станции Сельцо раздался сильный взрыв. Это наши диверсанты в километре от станции по направлению к Чернетову взорвали подъемный кран, который направлялся на разрушенный участок железной дороги между Чернетовым и Ржаницей. По данным нашей агентурной разведки из Сельца было установлено, что за два дня боя каратели потеряли шестьдесят четыре убитыми немецких солдат и три офицера, восемь полицейских. Одного полицейского немцы расстреляли сами, так как это он проводил разведку расположения партизан в Корчминке. Деревню каратели в тот раз сожгли не всю. Жители частично возвратились в деревню. Полностью деревня была уничтожена в июне 1942 года при блокаде советского района, занимаемого партизанами.

В лесном массиве у Круглого озера недалеко от партизанского лагеря находился дом лесника Беспятого, который активно участвовал в помощи партизанам и был их основным проводником в этом лесу. В этом же доме находилась семья партизана - лесника Прошина: мать, жена и сын, которые выполняли задания партизанского штаба, и как связные и разведчики постоянно находились в разных населенных пунктах - Бежице, Сельцо, Чайковичах. Эти две семьи, не считаясь с опасностью, выполняли любое задание партизан. В апреле 1942 года в районе проживания Беспятого и Прошина был задержан Владимир Коншин, который прослышав про партизан, действующих в этом районе, шел к ним. Коншин был доставлен в отряд и был зачислен в состав отряда. Владимир Коншин, кадровый офицер Красной армии, за участие в боях на Халхиг-Голе был награжден орденом Красной Звезды. Капитан Коншин, командуя танковой ротой, был ранен, попал в окружение и после восстановления здоровья пришел в Бежицу, где остановился у матери. Он занимался сапожным делом, скрывая свое истинное положение. Однако, некоторые полицейские его знали как местного по происхождению, и как командира Красной армии. Он сохранил партийный билет, удостоверение личности командира Красной армии, орден Красной Звезды. В партизанском отряде Коншин за короткое время завоевал любовь и авторитет среди партизан, умело выполняя трудные и ответственные задания, однако, несмотря на авторитет среди товарищей, комиссар отряда относился к нему плохо и постоянно третировал его. Выполняя одно из заданий в июле 1942 года, Владимир Коншин погиб смертью героя. Его мечта была вновь сесть в танк и бить врага.

В апреле 1942 года, возвращаясь с задания, Борис Могилевцев, А. Титов, Н.Зинов, В.Маевский и я вышли на Любохонский большак в районе, где стояли с зимы два подбитые немецких танка. Так как в то время движения по большаку не было, и район был освобожден партизанами от оккупантов, мы смело подошли к танку, уселись на одном из них и закурили. Выкурив одну сигарету, Могилевцев начал осматривать танки. Осмотрел один, потом другой, подошел к нам, закурил вторую трофейную сигарету и сказал:

- "А знаете, братцы, танки то хорошие. Их можно восстановить". Теперь мы уже все под руководством Могилевцева начали осматривать танки. На одном из танков была разрушена крышка башни, на другом только трещины на крышке башни. Это сделал Павел Корявченков, когда пришел в марте в отряд и старшим минером. С какой целью он это совершил, осталось неизвестно. В первом танке башня не вращалась. В другом танке все механизмы действовали, только долго не заводился мотор. В конце концов, усилием Могилевцева мотор заработал. Решили танки восстановить, и в одном из них нужно было сменить разорванные взрывом треки гусениц. Договорились восстановление пока держать в секрете и преподнести так как сюрприз в день Первого Мая. В течение нескольких дней, даже полудней, так как ходили на работу во второй половине дня, один из танков был восстановлен, снаряды из другого были перенесены в восстановленный танк, бензин был залит, а также заполнены запасные бачки и перенесены на наш танк. Мы его перегнали с дороги в кусты и закрыли ветками, чтобы его кто-нибудь не угнал. Первого мая 1942 года после митинга у штаба отряда и завтрака мы отправились к танку. Мотор заработал быстро и ровно. Настроение у нас было приподнятое. Борис сел на место водителя, и мы тронулись. Во время передвижения каждый из нас лез на танк в танк или на башню. Танк повели по дороге, идущей через лес и Круглое озеро, но скоро мы застряли в болоте и чуть ли не оставили там танк, но благодаря находчивости Могилевцева, вылезли из болота, повернули назад и по Любохонскому большаку через

Селище пришли в Ляды, где стоял штаб Объединенного Бежицкого отряда. Подходя к Лядам, я занял место на башне. Одет я был в немецкую форму (в то время многие так ходили) с немецким автоматом на шее. Часовые поста, который стоял на подходе к Лядам, как только увидели танк, быстро побежали к поселку. Я стал им кричать и размахивать пилоткой, но они, убегая, только оглядывались. Уже у самых Ляд мы заметили, что там началось движение, и вдруг я увидел, как на меня наводится станковый пулемет, а рядом за толстыми соснами стоят двое с противотанковыми гранатами в руках. Тут я сообразил, что нам сейчас придет конец. Быстро свалился с танка и начал кричать, что это свои. Увидев меня, они поняли, что это действительно свои. В это время Могилевцев остановил танк и тоже начал кричать, что мы свои. Порядок восстановился, все начали осматривать танк и хвалить нас, но мы недолго наслаждались похвалами, так как были вызваны в штаб, где получили соответствующее внушение. Я тут же был отправлен в Корчминку. Что произошло в Корчминке потом, я уже описал.

Зима и весна 1942 года явились большой проверкой духа партизанских отрядов и населения. Население активно поддерживало партизан. Партизаны проводили политивно-воспитательную работу среди населения. Так, жители деревень, где действовал наш отряд, горячо откликнулись на призыв вносить средства на танковую колонну. Было собрано среди населения четыреста тысяч рублей, которые были переданы в Орловский областной банк, который располагался в то время в городе Ельце. Была проведена посевная кампания, так как весна была ранняя и теплая, ожидался хороший урожай. Мы знали, что враг не может терпеть наличие освобожденного района, контролируемого партизанами у него в тылу рядом с фронтом. Коммуникации, идущие через освобожденный район, находились под контролем партизан и не функционировали. Участок фронта, занимаемого немцами от Людинова до Жиздры, снабжался окружным путем. В случае прорыва Красной армией фронта вся территория до Брянска была освобождена партизанами, которые контролировали и заняли все переправы через водные преграды. С мая 1942 года враг начал проводить отдельные операции против партизан и занимать села, лежащие на коммуникациях. Так, в мае враг занял Чайковичи, Дарковичи, Пупково, Любыш, Цементный-Фокино. Особенно враг вел упорные бои на северном и северо-западном секторе обороны партизан, которые находились у самой линии фронта. Этот участок обороняли хорошо организованные и подготовленные отряды Особого назначения и отряды военнослужащих из окруженцев, а также Людиновский и Бытошский партизанские отряды. Хотя бои шли постоянные, враг так и не занял деревни, занимаемые партизанами, и не мог переправиться на правый берег Болвы. Без создания немцами плацдарма на правом берегу Болвы нечего было и думать о развитии наступления на партизанский район. Весь май партизаны готовились к летним боям. Созданный нами аэродром в районе Дягьковского аэроклуба ежедневно принимал самолеты, которые доставляли оружие, боеприпасы, взрывчатку, противотанковые ружья, а также представителей штаба партизанского движения, обкома партии и работников НКВД, корреспондентов. Обратными рейсами партизаны отправляли в тыл раненых, больных, детей, стариков и женщин. Снабжение продуктами партизанского госпиталя в Дятькове было возложено на отдел снабжения, однако партизаны доставляли в госпиталь продукты также из контролируемых ими зон. Например, комсомолец из села Любыш Васиков Иван Егорович собирал молоко по деревням и доставлял его прямо в госпиталь, также Сарычев Иван Афанасьевич ежедневно, объезжая деревни, собирал молоко и яйца и доставлял в госпиталь.

Приближались дни летней блокады 1942 года. Благодаря хорошо организованной разведке, партизаны знали намерения противника. В середине мая в Любохне было проведено совещание командиров всех партизанских отрядов, входивших в подчинение Дятьковского оперативного центра. На этом совещании были разработаны тактические приемы борьбы с противником, выделены определенные участки каждому отряду для обороны. На основании приказа командования Западным фронтом было дано указание в затяжные бои с противником не вступать, населенные пункты не оборонять, сохранять личный состав отрядов, нарушать перевозки противника к фронту и от фронта.

В ночь с пятого на шестое июня противник начал наступление на партизанскую зону с трех направлений к центру, стараясь взять партизан в кольцо. Противник собрал достаточно сил

против партизан: две стрелковые дивизии, а также карательные отряды и полицейские соединения. Ночь с пятого на шестое июня я ночевал с Жулевым в Васильевке. На рассвете нас разбудила артиллерийская стрельба в районе Любохны. Это немцы обрабатывали последний край обороны, которую в этом районе держали Брянские отряды Дука и Ромашина. Первые атаки противник при форсировании ими Болвы были отбиты.

Партизаны отошли в район деревни Первомайской, где встретили противника огнем и удерживали деревню до вечера. Назавтра утром, отбив одну атаку карателей, отряды отошли в Семеновку и совместно с двумя нашими ротами Пуклина и Архипова встретили карателей и после короткого боя получили приказ отойти к деревне Можель. Сильные и упорные бои развернулись в северо-восточном секторе обороны в районах населенных пунктов Куявы, Бытошь, Ивот, где оборону держали отряды Особого назначения, Людиновский и Бьгошский. Противник, несмотря на применение артиллерии, успеха не имел в течение суток, пока партизаны по приказу не оставили населенные пункты. Третье направление карателей - со стороны станции Ржаницы и Жуковка. С этой колонной вели бои наши молодые роты и Объединенный Жуковский отряд. В период карательной экспедиции противника летом 1942 года партизаны избрали тактику не вступать в затяжные бои с противником, быстрыми маневрами отрываться от него, заходить в тыл противника и бить его с тыла. Такая тактика привела к тому, что противник не мог установить и расположение главных сил партизан. Он метался из одного места в другое за мелкими группами, которые били его с тыла. В начале июля противник вывел свои силы из леса, оставил сильные охранные заслоны на большаках и железной дороге, а также иногда устраивал засады на мелкие группы партизан, которые шли на диверсии в район железной дороги или грунтовой дороги. Однако, такая его тактика была мало эффективна. В период карательной экспедиции противник уничтожил все населенные пункты на своем пути, превратив всю территорию в опустошенный район. В этих боях основные потери понесли отряды Особого назначения, которые потеряли убитыми двадцать человек, Бежицкий Объединенный отряд потерял убитыми пятнадцать человек и Жуковский партизанский отряд также. Дятьковский партизанский отряд в боях почти не участвовал и потерь не имел.

Начиная карательную экспедицию против освобожденного партизанского района в прифронтовой зоне, противник ставил своей задачей очистить район от партизан или уничтожить их, создать опустошенную зону, в которой не могли бы находиться партизаны. Однако, свои задачи каратели не выполнили. Партизаны остались в опустошенном районе, только перешли в лесной массив. Большая часть населения так же ушла в леса. При этом, партизаны больше сплотили свои ряды, окрепли в боевом отношении, приобрели опыт маневренных боев, окреп моральный дух партизан. Однако с уничтожением населенных пунктов, партизаны лишились материальной поддержки населения. Противник начал восстанавливать коммуникации, идущие к фронту. Однако, партизанские диверсионные группы ежедневно выводили из строя железную дорогу, минировали и обстреливали противника на грунтовых и шоссейных дорогах.

Отряды Дука и Ромашина, а также основная часть нашего отряда после оставления Семеновки, Васильевки и Липова отошли в район Першина, где у Святого озера соединились с отрядами Особого назначения. В это время командир нашего отряда А.И. Виноградов, комиссар П.А. Рыжков с небольшой группой партизан остались в болоте в районе Можеля. Основная масса партизан нашего отряда оказалась только с начальником штаба И.Д. Марковым. В то время общее командование всеми отрядами принял майор Орлов Г.И., командир отрядов Особого назначения и командир Дятьковского партизанского оперативного центра.

Пуклины и Шпандырева.

В район Першина пришли роты Дурнева, Горбачева, Денисова, Журавлева, Кузнецова, Субботкина, Гудакова и другие. Командование взял на себя начальник штаба Марков.

После упорных боев все партизанские отряды сосредоточились в районе Святого озера. Расположение было таково. Объединенный Бежицкий отряд занимал оборону по направлению к Першину, отряды Дука и Ромашина - по направлению к западу в сторону Домашева-Новониколаевки, отряды Особого назначения и Любохонский занимали северный

сектор обороны. Девятого июня в одиннадцать часов дня каратели вступили в бой с ротами Горбачева, Денисова, Дурнева и Дука, однако противник был отброшен с большими для него потерями. Последующие атаки успеха противнику не принесли. Тогда он приостановил свои атаки и, перестроив свои порядки и получив подкрепление, в шесть часов дня начал новое наступление на участке роты Журавлева. Противнику удалось немного потеснить партизан. Однако, командир роты Журавлев, поднял в контратаку свою роту, отбросил противника и, преследуя его, захватил две противотанковые пушки противника. Во время атаки, предпринятой ротой Журавлева, погиб командир роты Журавлев. При его гибели во время атаки, когда раздались голоса "Журавлев убит", атакующие замешались, однако в это время медсестра подняла бойцов в атаку, которые с большей яростью погнались противника.

Противник предпринял контратаку, но был сбит ударом во фланг отрядами Дука и Ромашина. Противник, отстреливаясь, начал отходить. Бой закончился поражением противника, когда солнце клонилось к закату. Ночь прошла спокойно. На утро десятого начальник штаба Марков, чтобы уяснить обстановку, принял ряд мер. По его указанию во все стороны участка обороны были направлены разведки. При этом, произошел следующий прискорбный факт. В одну из групп разведки был включен старшим Павел Алексеевич Корявченко. Получая от Маркова задание по разведке по назначенному маршруту, Корявченко отказался идти в разведку и вступил в грубый спор с начальником штаба Марковым. Тогда Марков взял группу и сам пошел с ней в разведку. Недалеко от Першина группа попала в засаду карателей, была окружена и частично погибла, при этом погиб и начальник штаба И.Д. Марков.

Гибель Маркова, опытного начальника штаба и офицера явилась большой потерей для отряда и его дальнейшей деятельности.

В это же время на северном участке фронта в районе Годуновки и Старое Лавшино противник предпринимал атаки на отряды Особого назначения, которые были отбиты с большими потерями со стороны противника, после чего он больше не атаковал. После упорных боев в районе Святого озера и поражения карателей, его активные действия прекратились. Противник начал выводить свои войска из леса и располагать их вдоль железной дороги в крупных населенных пунктах.

О поспешном отходе и больших потерях противника сообщил пленный фельдфебель Дриес из 393 пехотной дивизии, захваченный на другой день бойцами роты Есина Федоровым и Заикиным. Пленный показал, что батальон, в составе которого он был во вчерашнем бою, потерял половину своего состава убитыми, поспешно отступил, при этом заблудился в лесу и был почти полностью уничтожен партизанами. Остатки его рассыпались по лесу и бродят, ища выхода. Захваченный позднее власовец оберлейтенант Хонелидзе, участвовавший в этих боях сообщил, что их смешанный батальон потерял убитыми более двух рот за один день, был выведен из боя и отправлен в тыл.

В боях в районе Першина и Святого озера погибли из нашего отряда кроме Журавлева и Маркова Пономарев Михаил, Пузиков, Бычков, Кузнецов и другие. В этих боях проявили отвагу и умение руководить боем Горбачев, Денисов, Гудаков, Дурнев, Журавлев. Особо отличился и показал умение руководить своими бойцами командир взвода Сергей Лисичкин. Смелость и бесстрашие проявили бойцы Савкин Н., Бурлаков П., Поляков В., Бирюков А., Шишкин, Пузиков, Рындин С., Анохин, Гальпер Ф., Зыков Н., Зинов Н., Коршунов А.П., пулеметчик Оленичев А. и другие.

После боя в районе Святого озера отряды Дука и Ромашина ушли в район Фошни с целью соединения с Жуковскими отрядами, но на пути встретились с сильным карательным отрядом и после тяжелого боя отошли в направлении станции Ржаница. Но, испытывая недостаток в боеприпасах и продовольствии, получили указание от секретаря Орловского обкома ВКПБ, возглавлявшего штаб партизанского движения Брянского фронта, перейти в Клетнянские леса. Что они и выполнили, перейдя в район Навли. В это же время Любохонский отряд Простякова ушел за Болву на свою старую базу в районе деревни Неверь.

В конце июня 1942 года в треугольнике лесного массива между Брянском - Жуковкой - Дятьковым, опустошенном немецкими войсками во время карательной экспедиции, остались

и несли всю тяжесть маневренной борьбы с противником отряды Особого назначения, воинские отряды и Объединенный Бежицкий отряд.

После боев в районе Першина и Святого озера все отряды ушли в район деревни Годуновки. Через некоторое время роты нашего отряда от Годуновки возвратились в старый лагерь в районе Круглого озера, где в это время находился штаб отряда и две роты, не участвовавшие в боях с карателями как в Першино, так и у Святого озера. Роты пришли весьма уставшие после боев без боеприпасов и продовольствия. Однако, встречены они были под руководством комиссара Объединенного отряда очень отрицательно. На просьбу накормить уставших бойцов был дан отрицательный ответ. Был собран совет всех командиров отрядов, на котором Рыжков обвинял пришедших командиров в их участии в боях с карателями. Однако, все командиры дали достойный ответ Рыжкову, как отъявленному трусу, который уже не раз подводил отряд. После крупной ссоры с Горбачевым, которого слабо поддерживал А.И. Виноградов, возвратившимся ротам все-таки отпустили продукты.

После гибели начальника штаба капитана Маркова, начальником штаба Объединенного отряда был назначен Евтеев Михаил Григорьевич.

После боев с карателями во время блокады в мае 1942 года все роты Бежицкого Объединенного партизанского отряда собрались в старом зимнем лагере у Круглого озера, но вскоре было дано указание командования отряда рассредоточиться. Все роты отряда рассыпались по всему лесу. Штаб отряда и отряд Шпандырева расположились за Селищем. Было организовано снабжение продовольствием, питание улучшилось. Начали принимать самолеты, которые доставляли боеприпасы, стрелковое оружие, взрывчатку, медикаменты. Все раненые были отправлены за линию фронта. Распределены и взяты под охрану все жители, которые остались в лесах.

В конце июня 1942 года роты Горбачева А.С., Денисова С. и Демочкина по распоряжению Западного штаба партизанского движения и Орловского обкома ВКПБ перешли в Клетнянские леса. Все другие отряды по указанию штаба Западного фронта остались в Детьяковской зоне у линии фронта. Впоследствии Горбачев организовал партизанскую бригаду, которая успешно вела бои с немецко-фашистскими оккупантами и внесла значительный вклад в дело разгрома противника.

Во время блокады и боев с противником диверсионные группы Объединенного отряда постоянно успешно действовали на железных и грунтовых дорогах, нарушая перевозки противника. Так, в разгар боевых действий с карателями, диверсионная группа Ивана Духанина на железной дороге Брянск-Рославль в районе Чернетово взорвала эшелон противника. На перегонке этой железной дороги Бежица-Брянск в черте города Бежица у моста через Болву диверсионная группа Сергеевича Михаила взорвала воинский эшелон. На дорогах, ведущих к линии фронта, диверсионные группы взрывали автомашины, танки и обстреливали их.

После прекращения боевых операций немецкое командование начало засылать в лес немецко-полицейские группы, которые устраивали засады, подходили к расположению лагеря партизан и обстреливали его. Однако успеха не имели, так как созданные партизанами посты и местные жители своевременно сообщали о появлении групп противника. Часто эти группы сами попадали в засады и уничтожались. В засады одной из таких групп противника попал командир Объединенного отряда А.И. Виноградов.

Нужно отметить, что в штабе Бежицкого Объединенного отряда после блокады 1942 года создалась неблагоприятная обстановка, связанная с поведением П.А. Рыжкова после гибели начальника штаба капитана Маркова И.Д., ухода рот Горбачева и Денисова в Клетнянские леса и бесхарактерностью их командира А.И. Виноградова. Рыжков начал относиться ко всем с пренебрежением и высокомерием, что беспокоило Виноградова, и он часто уходил надолго из штаба пот ротам или к жителям, которые создали свой лагерь.

Об обстоятельствах гибели Виноградова в настоящее время ходит много различных толков. Каждый старается изложить его гибель со своей колокольни, хотя в момент гибели был далеко от места происшествия. Те, кто были в момент гибели, сейчас отсутствуют не по своей вине. Так, адъютант А.И. Виноградова В.И. Жулев был расстрелян без суда и следствия

П.А. Рыжковым на второй день гибели Виноградова. Секретарь подпольного горкома ВЛКСМ Жорж Щербаков, больной сыпным тифом погиб во время блокады в мае 1943 года.

Двадцать шестого июля 1942 года рано утром меня разбудил Щербаков и передал, что Виноградов идет в роту Пуклина. Я, как врач, должен пойти с ним, так как в роте Пуклина есть больные. Я скоро собрался, взял санитарную сумку, и вчетвером, Виноградов, я, Жулев и Щербаков мы отправились к Пуклину. День был очень теплый, солнечный. Рота Пуклина тогда стояла где-то в районе Можели. Лагерь был расположен в основном в сосновом лесу. Стояли две палатки из брезента и много шалашей из сучьев, ветвей и елочной коры. Нас встретили Пуклин и Лактюхин, политрук его роты. Виноградов вел разговор с бойцами. Я осмотрел двух бойцов, которые перенесли ангину, но в настоящее время были уже вполне здоровы, и присоединился к группе Виноградова. Старшина роты Пуклина И.Самойленко предложил Виноградову и нам завтрак, мы согласились. Нам поставили большую миску холодца, сделанного из коровьей кожи. После того как мы насытились, Виноградов и Пуклин пошли в палатку Пуклина, а Жулев, Щербаков и я остались с бойцами, и с нами был замполит роты Лактюхин. Лактюхин сказал, что у него есть газета "Правда" со статьей-памфлетом Ильи Эренбурга. Я попросил ее почитать. Лактюхин газету дал, но с условием, что я буду читать здесь вслух для всех, хотя все уже слушали её не раз. Я согласился, так как не был знаком с содержанием этого памфлета. Я дочитал только до половины, как в стороне раздались выстрелы. Виноградов и Пуклин выскочили из палатки. Пуклин дал команду тревоги "В ружье", а Виноградов, Жулев и Щербаков, а за ними и я, побежали в сторону выстрелов. Лактюхин остановил меня и начал требовать газету, которую я бросил у пня, на котором сидел, читая. Я вернулся, поднял газету, отдал Лактюхину и побежал в ту же сторону, куда побежали Виноградов, Жулев и Щербаков. Но метров через сто дорожка раздвоилась: слабо натопанная шла влево, хорошо натопанная - вправо. Я, думая, что правая идет на пост, побежал по ней и метров ещё через сто прибежал к колодцу, сделанному на краю болотца. Я понял, что бежал не по той тропке. Я вернулся к лагерю и уже со всеми побежал в сторону стрельбы. Нам навстречу бежали двое часовых с поста.

При встрече с ними они сообщили, что их обстреляли немцы. На вопрос Пуклина, видели ли они Виноградова, ответили отрицательно. Стрельбы уже не было. Рота в боевом порядке рассыпалась по лесу и направилась к посту, но там немцев не встретила. Не дойдя до поста, слева за дорогой, метрах в десяти от нее лежал убитый Виноградов во всем обмундировании, но без ремня и пистолетов. Лес прочесали, но противника не встретили. Жулева и Щербакова встретили уже почти у самого лагеря. Они рассказали, что Виноградов бежал первым, а они за ним. Вдруг по ним начали стрелять, Виноградов метнулся влево, они за ним. Как упал Виноградов, они не видели. Только услышав наши голоса, вышли к нам. Виноградов был положен на носилки и принесен в лагерь Пуклина. При осмотре трупа, я нашел несколько пулевых ран в груди и животе, была раздроблена область голеностопного сустава. Было сообщено в штаб. Пришли несколько командиров и бойцов из других рот. Труп Виноградова на носилках отнесли в старый зимний лагерь. Вечером, когда зашло солнце, его похоронили на братском партизанском кладбище, которое было на поляне, там, где сейчас стоит памятник партизанам. После освобождения города Бежица труп А.И. Виноградова перезахоронили в городском парке, а потом - на Братском кладбище. Не все бойцы знали о гибели Виноградова. По указанию Рыжкова первое время им не сообщалось, но они узнали и без сообщений. При погребении Виноградова присутствовали только командиры рот. Представителей от бойцов и салюта не было.

В этот же день, во второй половине дня погибли, находясь в дозоре в районе "Кафельного" около Буды, Борис Могилевцев и Елисеев И., а Василий Прокопович ушел после короткого боя. На этот дозор тоже напал немецко-полицейская группа. В то время, после блокады немецкое командование постоянно засылало в лес небольшие группы, которые устраивали засады на партизан и нападали на партизанские дозоры, иногда даже подходили к расположению стоянок партизан или жителей, которых обычно уничтожали.

После гибели Виноградова в штабе отряда произошли некоторые изменения. Командиром Объединенного отряда стал П.А. Рыжков, комиссаром - М.Д. Андреев, начальником штаба остался М.Г. Евтеев, секретарем парткома - Г.Г. Гавриличев.

До гибели Виноградова в конце июня, а именно двадцать шестого июня была направлена через линию фронта группа партизан под командованием В. Маевского, который был старшим группы. В группу входили: Маевский В., Горохов Л.Н., Грибанов Н.П., Викторов В.А., Голубкова Ф.Е., Ефимов А.Е., Сыче М.С., Чузавков И.М., Гольцов, Страхов, Фейгин Н.И., Глазунов В., Ананьев А., летчик сбитого под Брянском самолета, и радист с другого сбитого самолета. Периодически весьма странные были порывы у П.А. Рыжкова. К такому странному порыву необходимо отнести посылку этой группы через линию фронта. Во-первых, к этому времени фронт стабилизировался, и перейти его было весьма трудно. Во-вторых, в это время у нас была прекрасно налажена связь с частями Красной армии, штабом партизанского движения и Орловским обкомом ВКПБ. Постоянная связь осуществлялась по радиации, а также каждую ночь прилетали самолеты, забирали раненых и доставляли оружие и боеприпасы. Рыжков посылку группы мотивировал тем, что нужно доставить за линию фронта некоторые документы и сведения, захваченные во время боев с карателями. Хотя, все это можно было доставить самолетом. Группа шла на верную гибель. Что и случилось. Группа была отправлена торжественно, как любил обставить Рыжков. Через несколько дней группа встретила с Людиновским отрядом, который располагался у самой линии фронта. Была предупреждена, что в настоящее время перейти линию фронта невозможно на участке, к которому направлялась группа, и им было рекомендовано вернуться назад. Однако, они пошли к фронту. При переходе линии фронта группа была разбита. Только тяжело раненных подобрали наши разведчики Красной армии - Чузавкова И.М., Сарычев, Страхова, Г.А. Викторов и Ф.Е. Голубкова вернулись в отряд уже в конце августа. Остальные люди погибли.

За несколько дней до отправления этой группы В. Маевский и Николай Зинов возвращались с задания. При подходе к лесу со стороны Даркович, на них неожиданно наехал немецкий офицер, который прогуливался верхом на лошади по лесу. Ребята до того растерялись, что по приказу бросили оружие. Немец решил их сфотографировать. Поставил их на дороге и два раза сфотографировал, при этом у него упала крышка от объектива. Офицер приказал Маевскому поднять её и подать. Подавая крышку, Маевский схватил немца за руку и сильным рывком сдернул с лошади. При падении с лошади офицер своим телом сбил с ног Маевского, но тут ударом приклада по голове офицер был прикончен Зиновым. В отряд была доставлена его сумка, автомат, пистолет, фотоаппарат и лошадь. Ребята сожалели, что офицер был ими не доставлен живым. На остаток пленки мы засняли наших героев и другие группы партизан. Маевский взял фотоаппарат за линию фронта, но, по-видимому, он вновь достался фашистам. Автомат Маевский отдал мне, и я им пользовался до соединения с Советской армией.

Как-то в июле 1942 года взвод партизан из роты Михаила Гудакова возвращался с задания. В лесу обнаружили мальчика, который, увидев их, начал убегать. Бойцы поймали его и выяснили, что он из одного небольшого лесного поселка, который уничтожили каратели. Жителей расстреляли, в том числе и его мать, а он остался жив только потому, что в момент нападения карателей был в лесу, и, увидев немцев, побоялся идти в поселок и видел все, что делали фашисты. После этого он долгое время скрывался в лесу. Чем он питался? Ягодами и травой, и тем, что находил на огородах. Бойцы привели его в отряд и передали мне в санчасть. Это был мальчик семи лет Вася Захаров. Медсестры санчасти первым делом его обмыли в теплой воде, сожгли всю его одежду, которая состояла из одной рубашки и штанов. Сшили по его росту гимнастерку и бриджи. Сапожник Сальников сделал ему сапоги. Вася быстро освоился в отряде и стал любимцем всего отряда. Как-то в августе большая часть отряда ушла на задание. В лагере остались только раненые и несколько человек из охраны. Вдруг с поста прибегает один постовой и сообщает, что к лагерю подходят немцы. Я дал команду, чтобы все способные держать оружие заняли оборону, а сам с Васей пошел на точку к станковому пулемету. Вася остался у пулемета, а я пошел распределять обороняющихся. Когда я возвратился к пулемету, Вася лежал за пулеметом, готовый открыть огонь. Но тут прибежал постовой и сообщил, что это возвращается часть наших партизан, которые несколько дней были на задании. Приняли их за немцев, только потому, что они за это время разбили несколько немецких транспортов с обмундированием. Так как партизаны сильно обносились, то все оделись в немецкую новенькую форму, захватили и вооружились трофейным оружием,

хотя у нас и так его было много. В хорошем настроении возвращались они в лагерь. Посты, увидя их, приняли их за немецкий отряд. Когда я спросил Васю: "Ты бы стрелял?", - "Обязательно!" - ответил он. Вася Захаров в 1943 году при создании Суворовских училищ был самолетом направлен в Советский тыл для учебы в Суворовском училище.

Жулев Василий, адъютант А.И. Виноградова, до войны работал в отделе НКВД города в пропускном центре. Во время войны А.С. Горбачев встретил его в одной деревне и доставил в отряд. Это было в конце декабря 1941 года. Через несколько дней Жулев был направлен в Улемский лес в отряд Берндта. В этом отряде находился до марта 1942 года, до того времени, пока все отряды были выбиты карателями из Улемского леса и переведены на основную базу к Круглому озеру. По прибытии отряда Берндта, Жулев был поставлен адъютантом А.И. Виноградова. Выполняя обязанности адъютанта командира отряда, Жулев часто командованием отряда направлялся в город Бежица для разведки и за различными покупками, такими как табак, нитки, иголки, карандаши, бумага и другая мелочь. Вскоре к нему для таких подходов был прикомандирован Владимир Коншин. При возвращении из походов в Бежицу, Жулев рассказывал об организации различных подпольных групп из молодежи. Но эти группы часто раскрывались немцами. Неоднократно Жулев забирал магнитные мины, которые раздавал в городе подпольщикам. Однако, его работу в городе никто не проверял. Табаком и немецкими сигаретами Жулев снабжал партизан регулярно. Пользуясь большой свободой и наглостью, Жулев вел себя в отряде надменно, относился ко всем с презрением, в разговоре речь свою пересыпал намеками на какие-то связи и таинственность. Многие командиры рот его избегали. Горбачев его просто презирал. Однако Жулев все больше и больше пользовался авторитетом у Рыжкова и Виноградова.

В конце мая 1942 года Жулев привел в отряд Бежицы Леонида Войтасюка, как участника подпольной организации, которая провалилась. Войтасюка я лично знал с 1934 года. С 1935 года мы вместе работали в модельном цехе завода "Красный Профинтерн". В то время он был членом бюро комитета ВЛКСМ цеха и физоргом. Потом Войтасюк в 1937 году поступил в Смоленский физкультурный техникум, где я его и встретил, сам будучи студентом мединститута. В Смоленске мы встречались довольно часто. Эти встречи были у нас как в общезнании, так и у них. Учился Войтасюк хорошо и был в техникуме на хорошем счету и как общественник. По своему характеру Войтасюк был общительный, веселый и добрый человек, готовый всегда прийти на помощь нуждающемуся, защитить обиженного. В первый день прихода в отряд я Войтасюка увидел рано утром, как только пришли. Жулев пошел докладывать командованию о возвращении из города, а Войтасюк и Коншин сидели у штабной землянки. Я заметил его ещё издали, вид у него был подавленный. При виде меня и моем обращении к нему он очень обрадовался и на вопрос Коншина, знакомы ли мы, Войтасюк и я рассказывали о нашем давнем знакомстве и хороших отношениях в прошлом до войны. Потом меня вызвали в штаб отряда, и после пристрастного разговора с комиссаром отряда Рыжковым, Рыжков потребовал от меня поручения за Войтасюка, которое я тут же дал, не сомневаясь в честности и преданности Войтасюка делу партии и Родине. Жулев выполнял не только роль адъютанта Виноградова, но по поручению П.А. Рыжкова он выполнял роль органов безопасности. Постоянно ему доверяли допросы пришедших в отряд полицейских, власовцев, пленных и других лиц. Нужно отметить, что после его допросов он же большинство допрашиваемых расстреливал. Так, он расстрелял Григория Орлова, бывшего директора магазина "Спортивных товаров" в Бежице, который был поставлен для работы в подполье, но в виду потери связи, работа не была налажена, и он пришел в отряд.

Так, за день до гибели Виноградова, т.е. двадцать пятого июля Жулев и Коншин возвратились из Бежицы, а утром двадцать шестого июля Виноградов погиб. Поэтому до настоящего времени идут всякие разговоры, что Жулин был связан с разведкой немцев и играл не последнюю роль в гибели Виноградова. Мое мнение такое, что Жулев в гибели Виноградова никакой роли не играл.

Достоверных данных нет. Мог ли стать предателем Жулев? На этот вопрос ответить сложно. Жулев работал в органах НКВД, хотя пост там занимал ничтожный, вахтера. Перед старшим дрожал и самоунижался до подлости, труслив и злобен, но скрытен и самолюбив. С подчиненными или чуть от него зависимыми надменен и высокомерен. Как он остался в

оккупации, остается до сих пор тайной. Находясь в оккупированном городе, расхаживал свободно. Таких людей как он, оккупационные власти быстро прибрали к рукам. Донести на него полиция должны были при первой встрече. Но он оставался на свободе. Могли его завербовать? Да, могли. Таким людям - подхалимам, Рыжков доверял. Виноградов был слабовольным человеком. Свободно посещая Бежицу, Жулев постоянно твердил о раззявах-немцах и как он легко их проводит. Под воздействием его рассказов у Виноградова появилась мысль посетить Бежицу, хотя в городе у нас

не было подпольной организации. Свою мысль и свое желание посетить город Виноградов начал высказывать командирам, которые были просто возмущены этим желанием, и запретили ему посещение Бежицы. Только после этого он оставил мысль о посещении города.

РОТАНИНА. Приблизительно с 1960 года П.А.Рыжков начал активно и настойчиво поднимать вопрос о существовании подпольной организации в Бежицкой городской больнице под руководством Т.Н. Ротаниной. При этом Рыжков неоднократно обращался ко мне с тем, чтобы я подтвердил наличие подпольной организации. Почему ко мне? Я считаю только потому, что я знал Ротанину с 1935 года, неоднократно обращался к ней за помощью во время моей деятельности в партизанском отряде. С Татьяной Ивановной Ротаниной я познакомился в сентябре 1935 года. В этот день мы совместно обучались на курсах по подготовке в Смоленский медицинский институт. Затем с сентября 1936 года по июнь 1941 года учились в институте, жили в общежитии в одном коридоре на втором этаже. По возвращении в Бежицу работали в поликлинике: она - терапевтом, я - оториноларингологом и заведующим центральным здравпунктом завода "Красный Профинтерн". Она оставалась в оккупации, я был назначен врачом истребительского батальона, а затем - врачом партизанского отряда.

В марте 1942 года, Филипп Егорович Кузнецов, командир Городищенского отряда, возвратился из разведки из Городища через Радицу. В Радице они встретили Ротанину. При разговоре выяснилось, что она окончила Смоленский медицинский институт. На этом основании Филипп Егорович спросил у меня, знаю ли я врача Ротанину? Я дал положительный ответ, сказал, что знаю очень хорошо. После чего он мне рассказал о встрече с ней в Радице. Я попросил его, если они ещё пойдут в Радицу, то пусть передадут от меня ей привет и мою просьбу. С разрешением командира отряда А.И. Виноградова и комиссара П.А. Рыжкова я написал ей записку с просьбой прислать по возможности ряд медикаментов и перевязочный материал. Записки передавал Кузнецов. Всего было мною послано записок раза два или три, на которые я получал небольшое количество перевязочного материала, чаще всего индивидуальные пакеты как отечественного, так и немецкого происхождения, иногда красный стрептоцид. Связь была короткой, так как Ротанина была арестована и расстреляна. Осенью 1942 года к нам в отряд пришел по рекомендации Ротаниной врач из военнопленных Кияница, который был врачом батальона власовцев. До ареста Ротанина работала в инфекционном отделении. Летом 1942 года был ранен в Радице Каблуков при нападении на немецкий склад. Он не состоял в партизанском отряде. Ротанина поместила его в хирургическое отделение больницы, где работала хирург Майорова. После улучшения здоровья Каблукова, последний через Ротанину был направлен в партизанский отряд. По прибытии в отряд при его осмотре мною было установлено наличие раны в области правой лопатки с поражением кости. После операции Каблуков был отправлен самолетом за линию фронта.

Киница у нас в отряде был всего около двух месяцев, а потом по настоянию Рыжкова был передан в отряд Корбута, откуда зимой 1942 года был отправлен за линию фронта.

Врач Майорова до войны работала хирургом в городской больнице и одновременно выполняла обязанности врача горотдела НКВД. На предложение работать в партизанском отряде, по неизвестным причинам отказалась. С седьмого по восьмое октября при попытке переехать за линию фронта с рядом сотрудников больницы, попала в окружение, и Майорова вернулась в город. Когда открыли больницу в Бежице, она начала работать хирургом. Нужно отметить, что сотрудники, которые работали в то время в больнице, отмечают ее патриотическую деятельность: во-первых, она госпитализировала раненых бойцов, попавших в окружение, и лечила их, проводила лечение партизан и других лиц, получивших ранение от немцев; во-вторых, помогала населению скрыться от угона в Германию, вызывая различные язвы на конечностях. Однако, все они действовали в одиночку, и никакой организации не

было, что подтверждают сотрудники, работающие вместе с ними. Майорова по возможности помогала жителям города Бежица до его освобождения.

После гибели Виноградова вся власть перешла в руки П.А. Рыжкова. Новый комиссар - Андреев, начштаба М.Г. Евтеев были в должности только номинально. Василий Корявченко стал адъютантом Рыжкова. К осени был подготовлен новый лагерь на зиму в районе Селища. Были построены добротные землянки и создана круговая оборона. Отряд продолжал активные диверсионные действия на железных и грунтовых дорогах. Выделенные группы занимались заготовкой продуктов. Однако немецко-полицейские группы проводили засады или обходили наши посты и нападали на наши стоянки. Так, в конце августа 1942 года, когда отряд полностью расположился за Селищем, к вечеру на землянку роты Архипова напали. Однако постовой заметил приближение немцев, но принял их за партизан, так как в то время многие партизаны были одеты в немецкую форму. Пока разобрался постовой, немцы подошли так близко, что партизаны только успели выскочить из землянки, как у землянки завязался бой. Из землянки не успели выскочить только Кейтлин и яростно, отстреливаясь, выбежал из землянки и вступил в бой. Кейтлин начал отстреливаться из землянки. На его выстрелы нападающие начали бросать в землянку гранаты, которые Кейтлин выбрасывал из землянки. Однако одна из них взорвалась в землянке, и Кейтлин получил несколько мелких осколочных ранений, но больше всего его оглушил взрыв. Нападающие были отбиты ротой и изгнаны из леса с потерями. У нас погибла одна только Докторова Надя. Кейтлина были удалены все мелкие осколки и проведена перевязка, через три-четыре дня он был здоров.

Через несколько дней, около четырех часов дня я пришел в землянку-санчасти, в которой было человек десять раненых. Часть из них сидели около землянки, так как погода была хорошая. Медсестре Вере приказал подготовить инструменты для перевязок. Она заполнила большой стерилизатор инструментами, но так как приспособить на костре стерилизатор было трудно, то я нашел в кустах несколько коробок немецких разряженных мин, поставил их по бокам костра, а на них поставил стерилизатор. Все собрались в землянке и вели обычные разговоры. Через некоторое время я попросил Веру посмотреть, кипят ли инструменты. Вера вышла и через несколько минут раздался взрыв. Все решили, что немцы напоролась на мины, окружающие лагерь. Все всполошились. Я первый выскочил из землянки и вижу следующую картину. На месте костра черное место, коробок от мин нет, а Вера лежит на спине у костра. Подбежал к Вере и вижу её лицо в саже и зале. Я догадался, что в разряженных минах не были удалены взрыватели, и от костра они взорвались в момент, когда Вера, присев на корточки, хотела вскрыть стабилизатор. Меня разобрал смех, я начал смеяться, ко мне присоединились выбежавшие раненые, видя такую картину. От основного лагеря бежали уже партизаны занимать оборону. Землянка санчасти стояла отдельно от других землянок. Видя доктора и раненых в веселом настроении, подошедшие остановились около нас, а когда узнали, начали смеяться вместе с нами. Однако командование к этому отнеслось отрицательно, а я получил выговор. Хотя ещё несколько дней вспоминали это происшествие и смеялись. Инструменты были разбросаны, их пришлось собирать всем, стерилизатор был так измят, что больше его не использовали. Вновь были простерилизованы инструменты и проведены перевязки, при этом, у всех раненых было хорошее настроение.

В конце октября 1942 года в отряд прибыл сотрудник Орловского обкома ВКПБ Иван Иванович Борцов. Борцов был послан первым секретарем обкома разобраться в обстановке в отряде, которая сложилась после гибели Виноградова. Борцов прибыл через Людиновский отряд, при этом, посетил на пути следования в наш отряд, Бытошский, Дятьковский и другие отряды. Всюду знакомился с деятельностью отрядов. В это же время познакомился с командиром объединенного штаба партизан Г.И. Орловым. Во время пребывания в нашем отряде находился под бдительным наблюдением П.А. Рыжкова и его приближенных. При этом, Рыжков старался всеми силами не допустить встречи Бойцова один на один как с командирами рот, так и с отдельными бойцами - членами партии. По этому поводу произошел интересный случай с Берндтом. На второй день пребывания Борцова в отряде, возвратился с задания с группой партизан Е.Р. Берндт, товарищ Борцова по ФЗУ и работе на заводе. Берндт в то время командовал ротой. После того как Берндт разместил своих бойцов, направился в штаб с докладом о выполнении задания. У штаба увидел Борцова и Рыжкова. Друзья

бросились друг к другу в объятия. После нескольких минут разговоров, какие происходят в таких случаях, Рыжков позвал Борцова в штабную землянку, но Борцов сказал:

- "Идите Петр Андреевич! Я сейчас". Рыжков ушел, но через минуту вышел, настойчиво приглашая Борцова. Борцов сказал:

- "Ну, иди Женя, скоро освобожусь, тогда поговорим". Сам пошел в землянку. Рыжков остался, сделал выговор Берндту, что, не докладывая о выполнении задания, бросился на шею Борцову.

- "О чем вы говорили?" - Был следующий вопрос Рыжкова.

- "Да так, просто, рады оба встрече." Однако эта встреча просто не прошла Берндту. Несмотря на изоляцию Борцова, все-таки встречи происходили. При этих коротких встречах второпях командиры и бойцы выкладывали коротко наболевшее и главное. Через несколько дней состоялось открытое партийное собрание, которое проводили в землянке роты Шпадырева, которая была самая большая и вмещала большое количество партизан. На повестке дня собрания был один вопрос: Отчет командира отряда о боевой деятельности и пути усиления борьбы с немецко- фашистскими захватчиками. Отчет Рыжкова прозвучал весьма оптимистично с примерами героизма отдельных партизан и высказаны были пути и планы борьбы с оккупантами. Однако все понимали, что что-то не то в докладе. Рыжков, как демагог, всегда по любому поводу мог произносить обширные и пустые речи, что и было в его отчете. Присутствие представительского Орловского обкома ВКПБ придало смелости коммунистам. Все выступающие говорили по существу, вскрывали неправильный стиль руководства Рыжкова, его подмену партийной организации. Указывали на отсутствие связи с населением города, ослабление связи с местным населением, которое перенесло все невзгоды и находится в лесах, как и партизаны. Высказывали недовольство отсутствием разведки и агентурной разведки, о подозрении каждого, отсутствием роста отряда, об условных расстрелах и расстрелах без суда и следствия. Особенно много уделили внимания отсутствию связи с другими отрядами. Рыжков на критику, высказанную в его адрес, делал вид, что воспринимает ее. Однако, пятна, появившиеся на его лице, говорили, что наш Петр Андреевич не ожидал такого от запуганных им людей.

На этом партийном собрании актива был избран подпольный горком ВКПБ и разработан план его активного действия. Членами подпольного горкома ВКПБ были избраны: Г.Г. Гавриличев, М.Д. Андреев, П.М. Клещев, А.Г. Михалкин, С.В. Маевский. Секретарем Бежицкого подпольного горкома ВКПБ был избран Г.Г. Гавриличев. Однако П.А. Рыжков тормозил работу горкома, избранного на активе, стараясь его подменить своим командованием. Работа горкома хотя со скрипом, но с каждым днем активизировалась. Борцов после проведенного собрания и актива партии вылетел на Большую землю. В конце октября была получена радиограмма о награждении первой группы партизан нашего отряда. В числе награжденных был и я. Было также сообщено, что награды мы получили в отряде Корбута, куда нам необходимо прибыть. Все, кому должны были вручить награды, отправились в расположение отряда Корбута, который располагался в деревне Белево Рогнединского района. Группа награжденных во главе с П.А. Рыжковым рано утром в составе В.П. Дурнева, В.М. Савельева, меня, И.Г. Борисенкова, В.П. Корявченкова, М.М. Протоповой и Дюкова, бойца из отряда Горбачева, раненого в летних боях с карателями, которого нужно было до операции отправить в тыл, так как в то время самолеты принимали на площадках Рогнединского отряда. К вечеру мы прошли Ржаницу и повернули по направлению к расположению отряда Корбута. Однако в сумерках сбились с пути и до рассвета решили остановиться в лесу. При этом набрели на небольшую землянку, которых тогда было множество в лесу, решили остаться до утра. Ночь была теплая, хотя выпал снег, и мы расположились около землянки. Рыжков, Маргарита и Корявченков расположились в землянке. Развести костер не разрешено было, и мы съели по куску хлеба с салом и пристроились, кто как смог. Я лег вместе с Дурневым, с которым долго вели разговор на разные темы. Несколько раз выходил из землянки В.П. Корявченков:

- "Вы что не спите и другим не даете?"

- "Что-то не спится, Вася, да и холод пробирает. Костерчик бы".

- "Нет. Петр Андреевич разводить костер запретил".

- "Да, это мы знаем, но от немцев мы далеко".
- "А ты что не спишь?" - спросили мы Корявченкова.
- "Да, все шепчутся. Не уснешь".
- "Ложись с нами".

- "Да, это верно". Вася Корявченков привалился к нам и включился в наш разговор. Так мы и просидели всю ночь. Как только начало рассветать мы уточнили маршрут по карте и свое расположение и отправились дальше. Дальше дорогу я знал, так как не раз был в отряде Корбута как врач. Около пяти часов вечера мы были уже в отряде. Оставшийся отрезок пути мы проделали без всяких приключений, так как это был район действия отрядов, расположенных в Рогнединском районе, и вражеских гарнизонов здесь не было. Ордена нам вручили, как только мы пришли. Дюкова я сдал в санчасть, в которой тогда находился врач Кияница. День был ясный, и выпавший снег начал подтаивать на солнце. После вручения орденов был устроен ужин. За ужином я встретил своего школьного товарища, с которым учился до четвертого класса в Новосельской школе. Это был Гриша Верзилин. После четвертого класса мы не встречались до этой минуты. Он окончил перед войной военное училище и имел звание лейтенанта. Я закончил мединститут. Когда мы сидели за столом, то напротив меня сидел лейтенант очень аккуратно одетый, что редко тогда можно было встретить. Я обратил внимание, что лейтенант часто на меня посматривает. Я тоже начал на него смотреть. Мне показалось, что-то знакомое в его лице, манере говорить. Он начал мне задавать вопросы:

- "Ты не из такого-то училища?"
- "Нет", - ответил я.
- "А, в такой-то части ты не служил?"
- "Нет", - был мой ответ.

- "Где же я тебя видел?" - Тут по голосу и разговору я вспомнил своего школьного товарища, с которым не встречался около пятнадцати лет. Я забыл его имя и фамилию, но вспомнил прозвище. В школе мы его звали Зайчик, и он отзывался. Тогда я обратился к нему.

- "Слушай, ты Зайчик?"
- "Точно!" - Воскликнул он. Тут я вспомнил его имя.
- "Гриша! Верзилин!"
- "Да". И назвал мое имя. Я ему назвал мою фамилию. Остаток вечера и ночи мы

посвятили воспоминаниям детства и рассказывали друг другу свою жизнь до встречи.

Верзилин встретил войну на Западной границе, в боях участвовал с первых часов нападения врага. Неоднократно попадал в окружение, выходил и вновь вступал в бой. Зима его застала около Дятькова, где расположились ряд военнослужащих, попавших в окружение, организовали партизанский отряд. В отряде Корбута он оказался, возвращаясь с боевого задания. В дальнейшем мы были в одной партизанской бригаде и встречались часто. О нем много пишет хорошего в своих воспоминаниях командир Дятьковской партизанской бригады полковник Г.И. Орлов.

На следующие сутки после вручения орденов состоялась совещание командиров отрядов, которое проводил командующий десятой армией Западного фронта.

Речь шла о создании двух партизанских дивизий: Рогденинской и Дятьковской. Рогденинская была создана, но тут же расформирована. Дятьковская была в стадии формирования. Создание дивизий не было закончено. Были созданы три партизанских бригады: Рогденинская, Дятьковская, Бытошская. На первом совещании Рыжков отказался войти в состав какой-либо дивизии. Про приказу штаба Западного фронта наш Бежицкий отряд входил в состав Дятьковского партизанского центра, командиром которого был Г.И. Орлов.

Возвращаясь от Корбута, мы зашли в штаб Дятьковского партизанского центра, чтобы остаться на ночь. Однако ночевать нам пришлось в лесу. В это время Орлова в штабе не было, он был на Большой земле в штабе Западного фронта. Нас встретил комиссар Чазов, который потребовал от Рыжкова сведения о боевой деятельности отряда, личном составе и вооружении. Однако, Рыжков отказался дать такие сведения, хотя Чазов ссылаясь на приказ штаба партизанского движения об объединении всех партизанских отрядов в одно соединение

под единым командованием. Рыжков отказался дать какие-либо сведения, отказываясь вступать в одно соединение, мотивируя тем, что он подчиняется Орловскому обкому ВКПБ. При заходе солнца мы выступили из отряда Орлова, и ночь нас застала в лесу. Так как идти было поздно, мы расположились в лесу, где-то под Манешиным, и всю ночь провели в какой-то яме. Ночь была достаточно темная, морозная, костер не был разрешен, и мы всю ночь мерзли. Рыжков тоже не спал. Ему не дала спать Маргарита, которая всю ночь внушала ему, что он является самостоятельной боевой единицей, входить в подчинение какого-то штаба не должен. Мы, замерзшие и голодные, были недовольны нашим командиром, который увел нас от орловцев без обеда из теплых хат.

Боевая жизнь отряда шла своим чередом. Рыжков стал более замкнутым. Все штабные работники расположились в одной землянке: командир отряда П.А. Рыжков, комиссар М.Д. Андреев, начальник штаба М.Г. Евтеев, Г.Г. Гавриличев, В.П. Корявченков, Г. Щербаков, радист К.П. Савенков, я, Протопопова Маргарита. Часто были стычки между Рыжковым и Евтеевым. Рыжков, можно сказать, третировал Евтеева, напоминая ему о его прошлом и исключении из рядов партии. Нам было просто неприятно и жаль дядю Мишу, как все мы называли Евтеева, этого прекрасного человека и товарища.

Нужно было экономить питания для рации. Костя Лесков и Костя Савенков, наш радист, сконструировали источник питания для рации. Для этого укрепили велосипед с приводом к динамо от автомобиля. При работе рации мы поочередно садились на велосипед и усиленно крутили педали. Энергией для рации мы были обеспечены, при этом, имели хорошую тренировку.

В конце ноября или начале декабря отряд немцев и полицейских обошел отряд Архипова и окружил землянку партизан. Партизаны по скрытому запасному ходу вышли из землянки и внезапно ударили по немцам в спину, чего они не ожидали. Однако противник, неся значительные потери, перестроил свои ряды. При этом, к нему прибыло подкрепление. Немцы повели наступление на партизан роты Архипова. С начала боя в роте находился начальник штаба М.Г. Евтеев, который сообщил быстро командиру отряда Рыжкову о нападении значительных сил на роту Архипова. Рыжков отреагировал отрицательно на просьбу начальника штаба о помощи. Тогда Евтеев приказал роте имени Журавлева, которой командовал С. Лисичкин, вступить в бой.

Лисичкин, весьма опытный, трезвый в любой обстановке и смелый командир, быстро среагировал на приказ начальника штаба, зашел в тыл к противнику и внезапным ударом расстроил ряды противника. Две роты разгромили противника. Мало кому из них удалось уйти. В этом случае возникает вопрос. Почему Рыжков не оказал помощь роте Архипова? При нем были роты Шпандырева, Дурнева и другие. На этот вопрос он сам ответил так:

- «При штабе должен быть постоянный мощный ударный кулак. При таком настроении враг по одиночке может разбить все роты».

В середине декабря была получена радиограмма о вызове П.А. Рыжкова в Орловский обком ВКПБ. Все чувствовали, что Рыжков больше в отряд не вернется. По приказу штаба партизанского движения и Орловского обкома ВКПБ Бежицкий партизанский отряд становился одним из батальонов Дятьковскоц партизанской бригады, которая к тому времени уже сложилась, как боевое соединение. Потеря Рыжкова, как командира отряда, для отряда была небольшая и желательная, и польза была огромная.

С организацией подпольного Бежицкого горкома ВКПБ и освобождением отряда от Рыжкова было покончено с разобщенностью отряда, состоялось объединение с бригадой, где наш отряд занимал одно из первых мест. Было покончено с интриганством, травлей командного состава, политработников и отдельных партизан. Восстановлены были подлинные принципы ленинского партийного руководства и организации партизан- на борьбу с врагом. Было покончено с подозрением всех и каждого в предательстве. После снятия Рыжкова штабом бригады командиром отряда батальона был назначен Т.Ф. Шпандырев, участник войны с белофиннами.

В конце декабря 1942 года начальник штаба батальона М.Г. Евтеев вылетел в Орловский обком партии с отчетом. Вместо него был назначен Берндт Е.Р. В январе 1943 года был вызван в обком секретарь подпольного горкома ВКПБ Г.Г. Гавриличев. Разбор дела Рыжкова в

Орловском обкоме ВКПБ, объективные доклады решили судьбу Рыжкова, он оставался на советской работе в тылу, как неспособный командир партизанского отряда.

Возникает естественный вопрос, почему я так много времени уделяю деятельности Рыжкова? Дело в том, что до настоящего времени Рыжков и его окружение считают незаслуженным наказание Рыжкова, а также в подтверждение его активности изобретают мнимое подполье в Бежице, руководимое Т.И. Ротаниной. При встрече с мнимыми подпольщиками они категорически отрицают участие в подпольной деятельности.

Объединение всех партизанских отрядов северо-западной группы в одну бригаду активизировало действия партизан и определило целенаправленность этих действий в интересах фронта. Пятнадцатого октября 1942 года приказом Главного командующего партизанским движением Дятьковский партизанский оперативный центр был расформирован. На базе центра созданы две партизанские бригады. Привожу ВЫПИСКУ ПРИКАЗА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ от пятнадцатого октября 1942 года об организации Дятьковской и Бытошской партизанских бригад. В целях улучшения оперативного руководства партизанские отряды, входящие в Дятьковский партизанский оперативный центр, свести в Дятьковскую и Бытошскую партизанские бригады.

В Дятьковскую партизанскую бригаду включить отряды тт: Цыганкова, Лосева, Есина, Куликова, Нагайчука, Воробьева, Иванова, Кидяева, Шапкина, Простякова, Рыжкова.

Командованием Дятьковской партизанской бригады назначить майора Орлова Григория Ильича, комиссаром - батальонного комиссара Козлюк Ефима Максимовича, начальника штаба капитана Серебрякова Виктора Алексеевича.

Бригаду дислоцировать в лесах западнее и юго-западнее Дятьково, ныне занимаемых отрядами, включенными в состав бригады. Бригаде действовать в районе Жуковка, Брянск, Зикеево.

В Бытошскую партизанскую бригаду включить отряды тт: Алексеева, Золотухина, Смолкина. Бригаду дислоцировать в лесах юго-западнее Людиново, ныне занимаемых отрядами, включенными в состав бригады. Бригаде действовать в районе станций Иваново-Сергеевск, Бытошь.

Обе бригады подчинить представителю Центрального штаба партизанского движения на Западном фронте. В боевой деятельности бригадам руководствоваться приказом Народного Комиссара Оборона товарища Сталина. Штаб бригады личным составом укомплектовать распоряжением представителя Центрального штаба при Военном Совете Западного фронта. Формирование бригады закончить к двадцатому октября 1942 года. Дятьковский оперативный центр расформировать.

Приказ подписали: ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ /К.Е. ВОРОШИЛОВ/
НАЧАЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ /П.К.
ПОНОМАРЕНКО/

В ноябре 1942 года совершил свой подвиг Анатолий Петрович Коршунов. Анатолий Коршунов с группой партизан в составе И.В. Лактюхина, А.П. Самошкина, Сальникова вышли на минирование железной дороги Рославль - Брянск в районе станции Хотылево. Накануне состоялось комсомольско-молодежное собрание, на котором подведены были итоги летней боевой и диверсионной деятельности молодежи по уничтожению фашистов. А. Коршунов выступил на этом собрании с обязательством уничтожить эшелоны противника.

В то время железная дорога охранялась усиленно немецко- полицейскими нарядами, которые постоянно патрулировали линии железной дороги. Группа долго искала место, где бы можно было подойти незаметно, но охрана мешала выполнить намеченное. Так, они пропустили несколько эшелонов противника. Утром следующего дня, находясь в двухстах метрах от железной дороги, они услышали шум идущего поезда. Когда поезд приблизился, они увидели эшелон с танками, автомашинами.

- «Такой эшелон пропустит нельзя!» - сказал Коршунов. - «Давай мины!» - он быстро схватил мины и быстро побежал к полотну железной дороги. Чтобы поставить мины времени не было. Тогда Коршунов с двумя минами бросился под паровоз. Сильный взрыв потряс

землю. Паровоз поднялся на дыбы и развалился, а за ним начали на скакивать друг на друга платформы и вагоны и валиться под откос. Товарищи Коршунова не успели даже сообразить, на что решился Толя, как произошел взрыв. Толя погиб, уничтожая эшелон противника. Своей жизнью он не допустил технику врага на фронт против наших бойцов. Бойца отряда, узнав о подвиге Анатолия Коршунова, поклялись отомстить за него, активизировать свои действия против врага.

В конце августа 1942 года после карательной экспедиции в лесах находились значительные группы населения, которые обычно располагались в районах своих деревень и ближе к партизанам. Одна такая группа жителей деревень Дорожово и Домашово в количестве около пятидесяти человек, в основном женщины, дети и старики начали строить для жилья землянки. Они выкопали часть котлованов, заготовили лес. Отряд карателей и полиции окружил жителей. Согнали всех в один из котлованов и расстреляли. Наша группа партизан, возвращавшаяся с задания, услышала выстрелы в лесу и направилась на выстрелы. Партизаны окружили фашистов и внезапно напали на них. Каратели в бой не вступили и разбежались. Когда партизаны начали извлекать трупы расстрелянных из ямы, то обнаружили живого старика и девочку лет восьми. Они были ранены. Аким Яковлевич Сбродов, извлеченный из-под трупов, имел семь ранений. Раны были все легкие, без поражения жизненно важных органов и сосудов. Девочка была ранена в плечо и бедро. Партизаны похоронили расстрелянных, доставили в отряд Сбродова и девочку. При осмотре их в санчасти раны мною были обработаны, наложены швы. Потом Сбродов и девочка самолетом были отправлены за линию фронта.

В октябре 1944 года, когда я работал врачом Брянского облвоенкомата, то на работу и с работы ездил пригородным поездом. Однажды сижу я в вагоне у окна и ожидаю отправления поезда. Рядом со мной и напротив сидели женщины. Были сумерки, и в вагоне темно. В вагон вошел мужчина, места все были заняты и он начал теснить женщин в нашем купе и уселся у окна. Женщины начали на него кричать, он начал говорить, что он несколько раз расстрелян немцами, рассказал, как его расстреливали, при этом прибавил о своем героизме. По его рассказу я узнал Сбродова. Мне пришлось вступить в разговор и его поправить. Тогда он спросил, откуда я знаю. Тогда я признался, что я тот доктор, который его оперировал. Дальше я был сам не рад, что вступил в разговор. Он узнал меня, начал хвалить и вытащил бутылку самогона, настойчиво предлагал выпить с ним за встречу. Спасло меня то, что поезд дошел и остановился на станции в Бежице, где я должен был выходить. Девочку встретил в Бежице лет через двадцать. Она уже была взрослая и имела своих детей. Встреча произошла на одной из улиц Бежицы. Меня остановила женщина, поздоровалась, а потом заплакала и бросилась ко мне на шею. Я не мог понять, что происходит, пока она со слезами объяснила мне, что это та девочка, которая была в партизанской санчасти. Из всей семьи она осталась одна: мать, бабушка, старший брат и младшая сестра были убиты в тот день карателями. Отец погиб в 1941 году.

После карательной экспедиции фашистские вояки мелкими группами вместе с полицией бродили по лесам, уничтожали жителей, и иногда нападали на лагерь партизан. Так случилось в один июльский день 1942 года. В этот день к нам пришли два наших лейтенанта, которые в лагере военнопленных были завербованы во власовский батальон. Но после того, как они окрепли и получили оружие, то сразу же направились к партизанам. Наши посты их задержали и доставили в отряд. После беседы ними, они были зачислены в отряд. Утро было солнечное и тихое. Только начали завтракать, как прибежал постовой и доложил, что к лагерю идет группа немцев. Мы ели из одного котелка - я, Берндт и вновь пришедший Иван Приходько. Он рассказывал, откуда он, как попал в плен. По тревоге бросили завтрак и бросились навстречу врагу, но уже началась стрельба. Берндт и Приходько расположились за раздвоенной сосной, рядом с ними залег и я. Приходько взмахнул гранатой, бросил ее и тут же, держась за ствол сосны, пополз вниз. Берндт и я подскочили к нему. Он был уже мертв. На шее из маленькой ранки текла струйка крови. Враг быстро был отбит, при этом потерял троих убитых немцев и полиция. Раненых унесли с собой.

Через несколько дней группа партизан человек восемь, с ними Власов, который пришел вместе с Приходько, были направлены в район Жиздры на диверсию. На месте после

выполнения задания они попали в засаду, но ушли без потерь, однако Власов от группы отбился и пришел через сутки. Недели через две в одном из боев Власов погиб. В то время мало обращали внимания на адреса людей, так, и до сих пор не знаем, откуда были эти люди. Они честно выполнили свой долг и погибли за Родину.

В начале июля 1942 года в отряд была доставлена Зина Чибисова. Их группу из пяти человек забросили в тыл немцев в районе Орловских Двориков. При этом, нам не сообщили о заброске такой группы. Не имея опыта, группа была блокирована немцами и погибла за исключением Зины, которая, не имея связи, скиталась по лесу и, в конце концов, наша разведгруппа встретила ее и доставила в отряд. После связи с Большой землей и выяснения ее происхождения Зина была оставлена в отряде.

В сентябре 1942 года в отряд пришел врач власовского батальона Киянца, которого рекомендовала и направила Т.И. Ротанина. В 1941 году он попал в окружение под Брянском и остался в Брянске в лагере военнопленных, а потом был завербован во власовский батальон. Пробыл он недолго у нас и был направлен в Рогденинскую бригаду Корбута примерно в конце октября. Несколько раз мне приходилось бывать в этой бригаде, где я его постоянно встречал, обязанности свои он выполнял, но как хирург был без опыта. В январе 1943 года он был направлен на Большую землю, по какой причине - не знаю. До войны он работал врачом в аэропорту где-то в Средней Азии.

В июле 1942 года к нам пришел военфельдшер лейтенант Миша Таранов. В тыл он попал следующим образом. Под Жиздрой наши войска начали наступление, которое не получило должного развития. Отдельные группы бойцов, прорвавшиеся глубоко в тыл противника, попали в окружение. С Тарановым было двое солдат родом из Жуковки. Зная, что в районе Жуково-Дятьково имеются партизаны, они направились в эти районы. По пути следования были задержаны нашими диверсионными группами и доставлены в лагерь. Так они стали партизанами. Зайцев и другой товарищ, с которым пришел Таранов, через два месяца ушли к своим родственникам в деревню Жуковского района, а затем воевали в Клетнянских партизанских бригадах. Таранов был у нас до апреля 1943 года и после заболевания сыпным тифом был отправлен за линию фронта.

Подходил к концу 1942 год. Отряд готовился к зиме. За Селищем были приготовлены добротные землянки. Оборудована полоса обороны, подступы были минированы. Отдельно оборудована просторная землянка под санчасть. Раненых было очень мало и только легкораненые, которые не хотели оставаться в санитарной части и уходили в свои роты, а приходили только для перевязок и то не все, так как в каждой роте был свой фельдшер или медсестра. В это время у нас в отряде кроме меня еще был врач Николай Мышелов, мой однокурсник. В свободной и просторной землянке штаба располагались: командир отряда П.А. Рыжков, комиссар М.Д. Андреев, начальник штаба М.Г. Евтеев, Жорж Щербаков, Василий Корявченков, Маргарита Протопопова, радист Костя Савенков. Принесенные с немецких автомашин или танков аккумуляторы освещали землянки, а также из велосипеда и снятой с машины динамо было устроено заряжающее аккумуляторы устройство, которое сконструировали Костя Лесков и Костя Савенков. Мы по очереди садились на велосипед и крутили педали. Вращение через ремень передавалось на динамо, так происходила зарядка аккумуляторов. Регулярно диверсионно-разведывательные группы выходили на задания, а также другие группы выходили на засады и уничтожение небольших вражеских гарнизонов. Однако, намечались значительные перемены.

Во второй половине ноября 1942 года в отряды Дятьковской зоны прибыл заворотгеллом Орловского обкома ВКПБ И.И. Борцов, который по получению Орловского обкома провел ряд совещаний с руководителями партизанских отрядов, заостряя их внимание на активизации партизанской борьбы в тылу врага. Борцов встретился со многими командирами нашего отряда, при этом, узнал много о деятельности командира отряда П.А. Рыжкова. Деятельность его имела много отрицательного. При посещении Борцовым отряда был избран подпольный Орджоникидзеирадский горком ВКПБ, в который вошли Г.Г. Гавриличев, М.Д. Андреев, П.М. Кашеев, А.Г. Михалкин, С.В. Маевский. Секретарем подпольного горкома был избран Г.Г. Гавриличев. Тогда же в землянке роты Шпандырева было проведено партийно-комсомольское собрание, на котором П.А. Рыжков выступил с отчетом о боевой

деятельности отряда за последнее время. Землянка Шпандырева была самая большая, стены из бревен от сруба, и вместила много собравшихся. Собрание было очень бурным. Присутствие И.И. Борцова придало смелости многим, и выступающие высказали много отрицательного в адрес командира Объединенного отряда. Уже в декабре 1942 года П.А. Выжков был вызван в Орловский обком партии, за нарушение партийных норм, обман, Рыжков получил строгое партийное высказывание и был освобожден от командования отрядом. Рыжков в отряд больше не возвращался, что положительно сказалось на деятельности отряда.

Командованием бригады Шпандырев Тихон Федорович был назначен командиром нашего отряда. Шпандырев Т.Ф. имел некоторый опыт войны как участник войны с белофиннами 1939- 1940 гг. Офицерского звания он не имел. Был награжден во время финской войны орденом Красной Звезды. Человек он был простой, рассудительный, осторожный и смелый. К бойцам относился хорошо, и партизаны его уважали и любили.

Так как отряды, составляющие Дятьковскую партизанскую бригаду, были разбросаны на огромнейшей территории, располагались друг от друга на десятки километров, а связь телефонная, существовавшая до летней блокады, была разрушена, управлять командованием отрядами было невозможно. Командование бригады решило все отряды свести в один лагерь. Для этой цели в конце октября часть отрядов Особого назначения и воинские отряды начали создавать базу в районе уничтоженной деревни Умысличи на реке Терebenь. В декабре наш отряд бросил свои обжитые землянки и построил новые в общем лагере. Новый лагерь занимал большую площадь, имел круговую оборону в несколько эшелонов, минированные участки. На этой базе находились все основные силы бригады за исключением Дятьковского отряда, который создал для себя базу отдельно и далеко от основных сил.

Медикосанитарной службой в то время руководил В.А. Митряев, который пришел в тыл с отрядами Особого назначения. Хирург Онохин остался в Дятьковский отрядом. Врача Малышева мы передали в Бытошскую бригаду, так как там не было врача. В основном лагере бригады было достаточно медицинских работников, что позволяло выделять по два, три медработника на боевые операции. В самом лагере была создана землянка, в которой проводились хирургические вмешательства, перевязки и находились раненые, за исключением легкораненых, которые находились в своих ротах.

При входе в лагерь был создан контрольный пункт и санпросектор. Все возвращающиеся в лагерь с задания и боевых операций вначале проходили осмотр на вшивость и санобработку в дезкамере.

Дезкамера сухожаая была сделана на крутом берегу речки, рядом с баней. Все возвращающиеся в лагерь сразу же направлялись в баню, где мылись, все из белья доставлялось в дезкамеру и проходило сухожаровую обработку, и только после этого бойцы получали свою одежду и шли на доклад к командованию. Этого правила строго придерживались. Наблюдал за работой камеры постоянный медработник, но ему в помощь выделяли нескольких бойцов, которые заготавливали дрова, топили печь, развешивали белье и одежду, после обработки относили одежду ожидающим в баню. Случалось, что отнести было нечего, одежда сгорала или так подвергалась обработке, что при дотрагивании разваливалась. В таких случаях шуму было много, так как белья и одежды было очень мало. Камера была сделана так: в крутом берегу выкопан котлован, стены которого обложены дубом, пол и потолок тоже из дуба. Все это сооружение было засыпано толстым слоем земли. Внутри - большая железная печь, обложенная кирпичом, трубы от которой проходили через всю камеру. Топка проводилась снаружи. Температура создавалась высокая. Так как градусников не было, то нужно было следить и следить, чтобы одежда не сгорела. Лучше всех с такой камерой справлялся Слава Макухин. Он просто чутьем чувствовал время извлечения одежды и температуру. Благодаря такому мероприятию у нас в бригаде было очень мало заболеваний сыпным тифом. Кроме партизан мы еще проводили такую санобработку жителей, которые находились в землянках рядом с нами, и к которым наши бойцы могли зайти в любое время, несмотря на запрет, так как в этих лагерях находились семьи партизан местных жителей. В то время по лесам много было лагерей жителей, которые, несмотря на призыв оккупантов уходить из

лесов, оставались в лесу, строили себе землянки и, неся большие лишения, оставались зиму в лесу, а потом летом 1943 года перенесли блокаду. Многие из них были уничтожены карателями. Жители, находясь в ужасных условиях, болели сыпным тифом. Нам, медицинским работникам отрядов, постоянно приходилось оказывать им помощь.